

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ
АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**ФАКУЛЬТЕТ: РУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА
КАФЕДРА: «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

**ДИПЛОМНАЯ РАБОТА
НА ТЕМУ:
«ШВЕЙЦАРСКАЯ МОДЕЛЬ КОНФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ
УСЛОВИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

ГРУППА: 817

ВЫПУСКНИЦА: КАЛИНОВА НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА

РУКОВОДИТЕЛЬ: д.ф.и, доц. Д.Х.ДЖАФАРОВА

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ: к.и.н., доц. Р.М.КУРБАНОВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА 1. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР РАЗВИТИЯ ШВЕЙЦАРСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА.....	6
1.1. Три федеральных конституции	6
1.2. События в федерализме с 2000 года	9
1.3. Судебная власть	10
1.4. Федеральные подразделения: кантоны	15
1.5. Юра: создание нового кантона.....	19
ГЛАВА 2. ШВЕЙЦАРСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ КАК МОДЕЛЬ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА.....	23
2.1. Швейцарская система общественного согласия	23
2.2. Швейцарский федерализм в эпоху глобализации	35
ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ШВЕЙЦАРСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ (ПО КОНСТИТУЦИИ 1999 Г.)	52
3.1. Институциональные основы швейцарского федерализма	52
3.2. Система органов государственной власти федерации.....	59
3.3. Органы государственной власти в кантонах	67
Заключение	73
Список использованной литературы	76

Введение

Актуальность темы исследования. Швейцария - небольшая страна с населением в 7 миллионов человек, окруженная Германией, Францией, Италией, Австрией и небольшим княжеством Лихтенштейна. Хотя первое историческое развитие небольших местных государственных единиц, стремящихся к независимости от иностранных королевств, восходит к 12-му веку, современная Швейцария была образована из 25 суверенных (6 половин кантонов) кантонов с первой Федеральной конституцией 1848 года. 26-й кантон (Юра) был создан из отделения от кантона Берн в конце семидесятых. 17 кантонов выступают на немецком языке¹, четыре кантоны - франкоязычные, один кантон - итальянский, 3 - кантоны двуязычные (немецкий - французский), а один кантон имеет три языка (немецкий, римский и итальянский). В 1874 году суверен, т. Е. Большинство избирателей и большинство кантонов приняли новую Конституцию. Эта Конституция оставалась в силе, хотя она была изменена несколькими важными поправками (приблизительно 140) путем частичного пересмотра. 1 января 2000 года была введена новая Конституция. Новая Федеральная конституция радикально не изменила политическую систему. Но, в частности, в отношении федерализма он дает весьма важные новые положения, которые могут стать началом новой федеральной политики Швейцарии. Эта статья, в частности, касается этой новой Конституции. Конституция была разработана после нескольких неудач в коренном изменении старой Конституции. Таким образом, дух основателей новой Конституции состоял в том, чтобы просто модернизировать старую Конституцию без существенных изменений в системе.

Швейцарский федерализм развивался из нескольких различных, независимых и очень разных общин, которые были структурированы как сельские корпорации, небольшие демократические страны, аристократические или экономические олигархии. Эти небольшие корпорации действительно ослабили свои связи и, наконец, отделились от

своих больших соседних империй, королевств или наций. Таким образом, они не были интегрированы в процесс строительства нации в Европе в XVIII и XIX веках. Напротив, они смогли сформировать свою собственную государственную систему и создать государство, состоящее из разных суверенных кантонов, то есть политически очень разных политических единиц, разных языковых сообществ и разных религий. Главная цель Альянса («Бунд»), которая позже превратилась в федеративное государство, заключалась в том, чтобы самостоятельно управлять политическими делами кантонов и Североатлантического союза и в соответствии с их собственными ценностями демократии.

Эта политика была причиной того, что на краю трех больших языковых групп Западной Европы (немецкий, французский и итальянский) около 25 демократических корпораций могли объединиться в Альянс вокруг Альп. В 1848 году этот Альянс был преобразован после короткой гражданской войны («Зондербунскриг», 1847) в федеральное государство с федеральной конституцией. Федерация по-прежнему называется Швейцарской Конфедерацией по нескольким причинам и, в частности, потому что немецкое название не может быть переведено на французский и итальянский языки. Сама легитимность этого подразделения основана на конституционной автономии кантонов (самоуправление) и их конституционной власти на федеральном уровне (разделяемое правило). Швейцарская Конфедерация существует и по воле кантонов

Целью дипломной работы является изучение Модели Швейцарской Конфедерации: исторические условия и современность. В рамках поставленной цели предполагается решить следующие основные задачи:

- ☐ изучить краткий исторический обзор развития швейцарского федерализма
- ☐ изучение Швейцарский федерализм в эпоху глобализации
- ☐ определить основные черты швейцарской конфедерации
- ☐ изучить Институциональные основы швейцарского федерализма

- определить Система органов государственной власти федерации
- Определить Органы государственной власти в кантонах

Объектом исследования является Модель Швейцарской Конфедерации, её структура.

Предметом исследования являются исторические условия и современность.

Методология и методы исследования. Методология написания работы основана на научных методах. Эти методы основаны на объективном и всестороннем анализе Модели Швейцарской Конфедерации. Исследование проводилось с использованием комбинации методов и методов научного знания. Абстрактно-логический метод позволил нам определить теоретические аспекты Модель Швейцарской Конфедерации и определить основные характеристики процессов в этой области.

Здесь также используются методы индукции и дедукции. Данные о Модели Швейцарской Конфедерации были собраны и систематизированы с использованием метода индукции. На основе этих собранных данных результаты и рекомендации были разработаны с использованием метода дедукции. Исследование основано на современных методах научного знания, включая исторический, сравнительный, функциональный и графический анализ.

ГЛАВА 1. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР РАЗВИТИЯ ШВЕЙЦАРСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

1.1. Три федеральных конституции

Конституция 1848 года

Первая конституция Швейцарской Конфедерации была принята в 1848 году после короткой гражданской войны в 1847 году. Эта конституция только передала федерации полномочия, которые были абсолютно необходимы для выживания новой конфедерации. У федерации не было армии, нет валюты и не было мандата на объединение гражданского или уголовного права. Кантоны, которые согласились создать эту новую федерацию, остались суверенными в отношении почти всех важных полномочий. Однако, чтобы избежать нового враждебного союза кантонов, новая конституция явно запретила какой-либо политический союз с внешними державами среди кантонов в Швейцарии.

Эта новая конституция, которая впервые создала новое государство из ранее суверенных членов альянса, была компромиссом между либеральными кантонами, на которые влияют централистические, демократические идеи Французской революции и консервативные кантоны, защищающие древний режим прежние кантональные аристократии. Хотя швейцарский федерализм радикально развивается с тех пор, фундаментальная концепция правительственной системы с справочником как исполнительной ветвью власти и законодательной ветвью со второй камерой (по образцу американского сената) никогда не изменялась, хотя конституция был существенно изменен в 1874 году и в 1999 году. Справочник был адаптирован к потребностям Швейцарии из Справочника Революционной Франции в 1795 году, причем больше директоров отвечало интересам небольших кантонов и швейцарского разнообразия.

Конституция 1874 года

Первое важное развитие федерализма произошло, когда новая

конституция была принята в 1874 году. Эта новая конституция предусматривала передачу многих важных кантональных полномочий на федеральный уровень. С новой конституцией конфедерация получила свою собственную армию, ее собственные монеты (монополия федерального правительства на выпуск банкнот была введена только в 1891 году), открытый свободный рынок и возможность выпустить общее гражданское и уголовное право. Однако процессуальный закон оставался кантональным.

В отличие от американской Конституции, которую очень сложно изменить, Конституцию Швейцарии легче изменить простым большинством на национальном и / или кантональном уровне. Таким образом, поскольку Конституция 1874 года вступила в силу, федеральная конституция неоднократно менялась. Большинство из этих изменений - более ста всего - дали важные новые полномочия федеральному правительству. Таким образом, вся динамика федерализма в Швейцарии отражается в популярных голосах, принимающих или отвергающих конституционные поправки. Некоторые из этих поправок были сделаны по популярной инициативе, но только 12 из 118 были приняты большинством людей и кантонов. Поэтому большинство принятых конституционных поправок были представлены на прямое демократическое голосование парламентом. Однако, несмотря на то, что народные инициативы отвергнуты, они тем не менее часто имеют важные законодательные или даже конституционные последствия.

Помимо централизации конституционной поправки, некоторые другие важные изменения были внесены с 1874 года. Некоторые из этих конституционных изменений расширили прямые демократические права граждан. Конституция 1874 года уже представила право народа просить народный законодательный референдум. В 1891 году конституция ввела популярную инициативу с правом граждан представить конституционную поправку к прямому демократическому голосованию по народной инициативе. Позднее законодательный референдум был дополнен референдумом по международным договорам. Чтобы избежать

злоупотребления чрезвычайными полномочиями со стороны правительства, новая поправка, предложенная по инициативе общественности, требовала, чтобы даже чрезвычайные конституционные и законодательные поправки должны были быть представлены на обязательный или факультативный референдум людей. Право женщин на голосование, к сожалению, было принято только в 1970 году, хотя в некоторых, в основном, франкоязычных кантонах оно было введено ранее.[1, с.43].

Конституция 2000 года

Даже в 1960-х годах некоторые ведущие политики попросили провести полный пересмотр конституции, которая была написана в 1966 году и с тех пор неоднократно менялась. Их основная идея состояла не в том, чтобы изменить политическую систему, а в том, чтобы разработать современную конституцию, которую читают граждане нашего времени. В 1987 году парламент делегировал задачу разработки новой конституции, которая должна была быть представлена в обеих палатах парламента, в Федеральный совет. На основе этой процедуры большинство жителей кантонов приняли новую конституцию в апреле 1999 года, которая является конституцией, действующей с 1 января 2000 года.

Как уже упоминалось выше, эта новая конституция не вносила существенных изменений в государственную систему. Важнейшими изменениями в этой новой конституции, помимо современной формулировки, являются те вопросы, которые касаются федерализма. В принципе, центральные полномочия федерального правительства были расширены. Для компенсации кантонов за утрату их полномочий были расширены права кантональных правительств на участие в процессе принятия федеральных решений. В целом можно утверждать, что новая конституция уважала баланс самоуправления и общего правления, уменьшая самоуправление и расширяя общее правление.

Что касается финансовых полномочий федерации, то в течение длительного времени конституция предоставляла федеральному правительству ограниченные конституционные полномочия для взимания косвенных и прямых налогов. Нынешние налоговые полномочия федерации должны быть пересмотрены до 2020 года, поскольку действующая конституция ограничивает полномочия федерации финансировать свои уступки прямыми и косвенными налогами до этого времени.[1, с.47].

1.2. События федерализма с 2000 года

Хотя некоторые важные вопросы в старой конституции, такие как судебная система, прямая демократия и финансы, необходимо было изменить с новой конституцией, федеральное правительство не хотело перегружать базовый новый документ для новой конституции, чтобы избежать различных противников во всенародном голосовании. Таким образом, он отложил важные изменения для некоторых отдельных, более поздних голосов. Эти основные изменения были сосредоточены на судебной системе (принятой в 2000 году), прямой демократии (принятой в 2003 году) и реформе финансовой системы (принятой в 2004 году). Некоторые реформы, в частности в отношении федеральных полномочий в области образования, были предложены только после принятия новой конституции. Что касается федерализма, мы рассмотрим самые важные изменения в отношении нового финансового порядка и развития в области образования. Поскольку вопрос о судебной системе требует особого внимания в отношении федерализма, мы сосредоточим внимание на судебной системе в специальном разделе.

Новый финансовый порядок

Это самое важное развитие в отношении федерализма, поскольку эта новая конституция была принята на конституционном референдуме в 2004 году. Она выбрала новый финансовый порядок с одной стороны, а с другой -

решила улучшить внутреннюю солидарность со Швейцарией и обеспечить более справедливую финансовую соотношение между кантонами. Что касается нового паритета, то даже народы некоторых из богатых кантонов согласились поддержать более бедные кантоны с некоторыми из своих подоходных налогов. Эта новая солидарность была важным символом согласованности культурного, языкового, религиозного и исторического разнообразия, которое все еще существует. Исходя из этих новых конституционных положений, федеральное правительство должно уравновесить кантональное неравенство в отношении их финансовых результатов.[3, с.7].

В новом финансовом порядке в конституции также впервые был введен принцип субсидирования в первый раз (статья 5а). Параллельно с введением принципа субсидиарности конституция также предусматривает некоторые основные принципы в качестве руководящих принципов разделения федеральных и кантональных полномочий.

В 1848 году федеральное правительство финансировалось главным образом его собственными учреждениями, такими как федеральное почтовое отделение и таможня. С 1874 года федеральное правительство никогда не облагалось неограниченной властью для взимания налогов либо с доходов населения, либо с помощью налога на добавленную стоимость. Доходы швейцарской конфедерации всегда были возможны только с учетом конституционной поправки, которая ограничена во времени. Фактическая власть конфедерации взимать прямые и косвенные налоги длится до 2020 года.

1.3.Судебная власть

Система гражданского права

Что касается судебной системы, то Швейцария придерживается концепции федерализма в рамках системы гражданского права. Соответственно, в отличие от США и некоторых других федеральных стран

общего права, нет никакого дуализма между федеральной и государственной судебной системой. В Швейцарии существует только одна судебная система, которая имеет право применять федеральное и кантональное право. В отличие от Бельгии, где судебная система централизована (хотя она разделена на фламандскую и валлоновскую секцию), основным элементом швейцарской судебной системы являются кантональные суды, организованные кантонами. Кантональные суды имеют право толковать и применять федеральный закон, а также соответствующее кантональное право. Федеральный Верховный суд в основном выполняет апелляционную функцию в отношении кантональных судов.

Эта базовая система не изменилась со времени создания Швейцарской федерации. Однако сила федеральной судебной системы была усилена на протяжении исторического развития швейцарского федерализма. Согласно Конституции 1848 года, Федеральный верховный суд состоял из 11 судей, работающих только неполный рабочий день. Сегодня, главным образом на основе конституционных поправок для совершенствования федеральной судебной системы в 2000 году, федеральная судебная система была расширена новым уголовным судом первой инстанции, компетентным принимать решения по уголовным делам, возложенным на федеральную судебную систему по законодательству, и новой административной администрацией первой инстанции суд для принятия решения по вопросам федерального административного права с правом обжалования, наконец, в Федеральный верховный суд.[3, с.18].

Кантональные суды

Гражданское право, уголовное право и даже федеральное административное право, осуществляемое кантональным законодательством, в первую очередь контролируются кантональными судами. Кантоны обладают конституционной силой и ответственностью за осуществление федерального закона⁸. Что касается уголовного права, то прокурор кантона должен привлекать к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в

нарушении уголовного законодательства, и обвинять их в кантональном суде за нарушение уголовного законодательства.

Уголовное право

Однако уголовное право и уголовный процесс были в основном кантональными до 1942 года. С 1942 года кантональные уголовные кодексы были заменены новым федеральным уголовным законодательством. В течение длительного времени кантональные суды приняли решение о проведении уголовных процедур на основании кантональных актов. С конституционной поправкой 2000 года федерация получила право издавать законы о уголовном судопроизводстве⁹. Этот устав был принят парламентом, но он может быть применен только в тех случаях, когда действуют новые полномочия (например, для расследования), предусмотренные в этом новом процессуальном законе. Предложение об этом законодательстве в отношении органов уголовного правосудия находится в настоящее время в парламенте (июнь 2009 года).

Гражданский закон

Аналогичная ситуация сложилась в отношении гражданского права, включая семейное право, коммерческое право и право собственности. Общий коммерческий код уже был реализован в конце XIX века. Федеральный гражданский кодекс вступил в силу с начала 20-го века. Однако, согласно уголовному праву, федеральное гражданское право применяется кантональными судами на основе кантональных кодексов гражданского судопроизводства. С конституционной поправкой 2000 года законодательная власть по гражданскому процессу также была предоставлена федерации. В настоящее время готовится федеральный кодекс гражданского судопроизводства и вскоре вступит в силу[4, с.25].

Организация кантональной судебной системы

Что касается организации судов и выборов судей, а также осуществления принципа независимой судебной системы, кантоны по-прежнему являются суверенными в отношении организации их собственной

судебной власти, ответственной за применение кантонального права и федерального закона, подлежащего обжалованию в Федеральный верховный суд. В этом отношении по-прежнему сохраняются важные различия между кантонами с аристократическими, демократическими республиканскими или сельскими традициями.

Публичное право

Что касается публичного права (конституционного права и административного права), то в 1848 году конституция уже предоставила ограниченный полномочия Федеральному суду для обеспечения соблюдения кантональными властями федеральной конституции. Соответственно, после 1875 года граждане могут подать в суд на свой кантон в суде за нарушение федеральной конституции. Эта власть была институционализирована конституцией 1874 года, и с момента ее применения в 1875 году она постоянно расширялась и совершенствовалась федеральным законодателем и судебными решениями федерального Верховного суда.

Конвенция о правах человека

В этом контексте следует упомянуть, что членство Швейцарии в Совете Европы и, в частности, его ратификация Конвенции о правах человека, оказало важное влияние на швейцарскую судебную систему, особенно в том, что касается доступа к правосудию в качестве основного права, закрепленного в Статье 6 Конвенции. Основываясь на судебной практике Европейского суда по правам человека, а также на судебной практике федерального Верховного суда, кантональное и федеральное административное право, а также уголовные процедуры должны быть радикально улучшены. Поскольку Швейцария применяет международные договоры на основе монизма, Федеральный верховный суд может широко использовать новые полномочия, предоставленные ему Конвенцией о правах человека, и объявить эту конвенцию конституционной на уровне.

Это развитие также повлияло на федерализм. В частности, он имеет централизованный надзор со стороны Федерального суда

кантонального уголовного и административного права в отношении их ответственности за создание новых административных судов или расширение их полномочий, с тем чтобы гарантировать доступ отдельных граждан к суду. Новая статья 29а, также принятая в 2000 году, фактически внесла основополагающее право на доступ к суду и подать в суд на государственные органы, действующие за или против юридических полномочий.[4, с.37].

Отсутствие конституционного пересмотра федерального законодательства

Существует еще один важный дефицит в отношении власти судебных органов, который также оказывает определенное влияние на федерализм. В настоящее время Федеральный верховный суд не имеет права рассматривать конституционность федерального законодательства. Более того, в целом он не имеет права рассматривать акты федерального парламента и федерального совета (исполнительной власти).

В отличие от Верховного суда Испании, Федеральный верховный суд Швейцарии не может рассматривать федеральные законы, которые могут нарушать конституционно гарантированные кантональные полномочия. Что касается основных прав, то, по крайней мере, Европейский суд по правам человека может в определенной степени устранить этот дефицит. Таким образом, федерализм в Швейцарии по-прежнему остается лишь вопросом политического решения. Нет никакого судебного надзора, который мог бы помешать федеральному законодателю вмешаться в конституционно гарантированный кантональный суверенитет. Однако швейцарская история показала, что народная власть просить о проведении референдума в отношении федерального законодательства оказала важное влияние на то, чтобы препятствовать швейцарскому законодателю нарушить кантональные полномочия, гарантированные конституцией.[4, с.51].

1.4. Федеральные подразделения: кантоны

Нижняя федерализм

В отличие от Бельгии, Канады, Индии и Австралии, Швейцария является федеральным государством, которое, как и США, создало федерацию снизу вверх. В 1848 году суверенные кантоны создали новое федеральное государство. Благодаря этой новой конституции кантоны отказались от своего первоначального суверенитета в качестве независимых государств. После утверждения Конституции 1848 года федерация смогла принять решения о своих отношениях с кантонами и их статусе конституционным большинством.

Хотя теоретически прежний союз суверенных кантонов был заменен несколько современной федеральной конституцией, нужно быть в курсе, что создание национального государства впервые произошло во многих кантонах вскоре после Французской июльской революции 1830 года. Однако в основном либеральные кантоны заменили старый аристократический режим новым парламентом, избранным и легитимированным народом, и исполнительным советом, состоящим из пяти, семи или даже девяти магистратов, также избранных народом.

Поскольку многие из этих современных либеральных конституций были результатом народных революционных движений в кантонах, они уже обеспечивали прямые демократические элементы не только в отношении выборов, но и в отношении принятия конституционных поправок. Поэтому до начала гражданской войны в 1847 году Швейцария была не только разделена лингвистически и религиозно между двумя христианскими конфессиями - католиками и протестантами, но также политически между современными либеральными и консервативными кантонами. Кроме того, католические кантоны были в целом менее развитыми экономически и политически по-прежнему посвящены древней, в основном аристократической, государственной системе.[7, с.53].

Кантонный суверенитет

Даже с новой федеральной конституцией кантоны настаивали на том, чтобы их суверенитет явно соблюдался новой конституцией (статья 3). Этот конституционный символ кантонального суверенитета даже постиг и по сей день, с новой конституцией 2000 года, явно гарантирующей кантональный суверенитет. Другой важный принцип, закрепленный в этой же статье, отражает восходящий федерализм и гарантирует кантональные полномочия конституционно, поскольку они могут быть переданы только федерации определенной конституционной поправкой. Как и в Конституции США, кантональные полномочия не могут быть просто ограничены законодательством, а только конституционной поправкой. У федерации даже нет необходимой и правильной оговорки, позволяющей расширить федеральные компетенции путем обширной конституционной интерпретации.

Так, например, в отличие от федеральных единиц Союза Индии, кантоны по-прежнему пользуются правом создавать свою надлежащую государственную систему, решать вопрос об объеме автономии своих муниципалитетов, определять масштабы прямой демократии, предоставляемой гражданам, и организовать свою собственную судебную систему. Кроме того, кантоны решают свои официальные языки (немецкий, французский, итальянский и римский). Единственным ограничением кантональной автономии в отношении их свободы определять свою государственную систему является их обязанность предоставить кантональным людям право составлять конституцию и соблюдать федеральный закон.

В отличие от Испании, где кастильский язык является официальным языком по всей Испании, и регионы имеют право добавить второй официальный региональный язык на официальный испанский (кастильский) язык, швейцарские кантоны полностью суверены, чтобы определить официальный язык или языки кантона из среди четырех

национальных языков. В Швейцарии нет официального языка, действующего на всей территории страны, как в Испании. Хотя на немецком языке говорят почти две трети населения Швейцарии, родители, переезжающие из немецкоязычного кантона в франкоязычный кантон, например, должны будут отправить своих детей во франкоговорящую школу, поскольку кантоны и многоязычные кантоны муниципалитетов, имеют право решать, в каком языковом образовании. Даже в частных школах дети должны изучать официальный язык кантона в течение определенного минимального количества лет.

В рамках своего круга полномочий кантоны также должны были найти решения конфликтов вокруг разнообразия в кантоне, в частности в отношении различных религиозных и языковых общин. Более того, кантоны имеют право организовывать себя. По этой причине существуют значительные различия между кантонами в отношении объема автономии муниципалитетов, включая районы и агломерации. Муниципалитеты кантонов, под влиянием французской политической культуры, получают меньше полномочий по сравнению с немецкоязычными кантонами.

В некоторых кантонах все законодательные решения должны быть представлены на голосование граждан, в то время как большинство кантонов предоставляют только вариант референдума. Кантоны также отличаются по отношению к церкви и кантону. Хотя кантоны Женевы и Невшателя разделяют государство и религию в соответствии с французской моделью республиканского светского государства, многие другие кантоны либо следовали за Цюрихской моделью протестантской традиции, либо моделью католической традиции, связанной с местными общинами муниципальных церквей.

Помимо своей власти организовывать свою собственную конституцию, кантоны обладают полномочиями и ответственностью обеспечивать безопасность людей, гарантировать обязательное начальное образование, поощрять и защищать свою культуру, защищать

окружающую среду и осуществлять федеральные экологические стандарты, строить дорог и обеспечить - в рамках федерального законодательства - для развития кантонов в области охраны окружающей среды, жилья, сельского хозяйства и экономики. Кантоны также являются держателями общественных водных и водных ресурсов (включая гидроэнергетику), лесов, игр и рыбной ловли.[8, с.16].

Новая конституция даже расширила кантональные полномочия в области внешних сношений. Кантоны теперь прямо уполномочены заключать договоры с другими местными органами власти по всем вопросам, которые входят в сферу их автономии.

Муниципальное разнообразие в кантонах

Не только новая Федерация, но и почти все кантоны обогащаются и оспариваются традиционным внутренним религиозным и языковым разнообразием. Многие из этих кантонов также были построены снизу вверх от более или менее автономных муниципалитетов или местных фермерских корпораций. В мирных договорах после двух гражданских войн между протестантским и католическим кантонами в первой половине XVI века уже был установлен принцип территориальности в отношении религии (который не был признан еще более чем столетием позже в мире Вестфалии за Европа). Этот принцип взаимной терпимости относился к кантональной территории и в определенной степени к территории хотя бы некоторых муниципалитетов, так что даже сейчас некоторые религиозно разнообразные кантоны соблюдают различные католические и протестантские каникулы в соответствии с традиционной религией большинства населения. Таким образом, федерализм в Швейцарии основан не только на кантональной автономии, но и в кантонах автономии муниципалитетов, которые даже сегодня в многоязычных кантонах имеют разные официальные языки и религиозные праздники в соответствии с их традиционной территорией и языком или религией большинство муниципального населения.

Что касается их организации и полномочий, то положение муниципалитетов отличается от одного кантона другому. Если кто-то знает специфику муниципалитетов, можно даже - не зная кантона, признать и идентифицировать свой первоначальный кантон. Что касается размера их территории и населения, можно наблюдать важные отличия от одной культуры к другой. Например, в городе Цюрихе работают больше государственных служащих, чем самый маленький кантон Аппенцель-и-Рич. есть жители! Хотя кантоны всегда оспаривали любую власть федерации, чтобы вмешиваться в дела муниципалитетов, новая конституция предусматривает в своей статье 50 федеральную гарантию общинной автономии. Однако эта гарантия зависит от автономии, предоставленной муниципалитетам соответствующей кантональной конституцией. Таким образом, хотя федеральная конституция впервые в истории явно предоставила муниципалитетам конституционную гарантию, она не мешала власти кантонов определять объем автономии, предоставляемой муниципалитетам.[12, с.41].

Кроме того, статья 50 Конституции даже требует от федерального правительства уважения интересов коммун и уделения особого внимания более крупным городам, которые несут особую ответственность в отношении трафика, охраны окружающей среды и расходов на безопасность и социальные вопросы.

1.5.Юра: создание нового кантона

Устойчивость кантональных территорий

В отличие от индийского федерализма, который был наиболее динамичным в связи с уменьшением и увеличением количества федеральных единиц, которые изменили свое положение в связи с созданием Республики Индия 1949 года в результате управления конфликтами в отношении этнических и языковых границ, оригинал федеральный договор Швейцарии в 1848 году установил границы кантонов раз и навсегда. Фактически, во время

создания современной Швейцарии в 1848 году несколько кантональных границ оспаривались, и несколько регионов хотели отделиться от своего кантона и объединиться в соседний кантон или даже создать дополнительный кантон.

В целях установления устойчивого мира после гражданской войны конституции 1848 и 1874 годов исключали любые территориальные изменения в кантонах и требовали от федерации каждого кантонов конституционно признанной территории.[20, с.13].

Претензия Юрского региона на самоопределение

С момента создания Швейцарии франкоязычное население региона Юра в кантоне Берн всегда утверждало право на самоопределение. Однако это требование может быть реализовано только в 1970-х годах. Так, в 1977 году, впервые в современной швейцарской истории, новый кантон Юра с тремя преимущественно франкоязычными католическими районами возник в результате длительного исторического конфликта с кантоном Берн. Фактически, первоначально этот регион был предложен кантону Берн европейскими державами, собранными на Венском конгрессе в 1815 году, чтобы возместить Берну, первоначально крупнейшему швейцарскому кантону, за потерю своих территорий на востоке и потерю франкоязычного кантона Во, который был отнят у Берна Наполеоном. Уже в это время некоторые политики знали, что этот подарок кантону Берн был ошибкой. Действительно, католические районы, по крайней мере, этого франкоязычного региона, никогда полностью не интегрировались в кантон Берн, и в конце XIX века некоторые политические лидеры уже призывали разрешить конфликт с отделением этого региона.

Как новый кантон выходит из старого кантона?

Процедура создания этого нового кантона могла бы рассматриваться как модель для других подобных территориальных конфликтов, стоящих перед сепаратистскими движениями. В качестве первого шага кантон Берн внес поправки в свою конституцию и предоставил Юрскому району

демократическое право на самоопределение, основанное на каскаде из трех этапов народных голосов: первым шагом стал всенародный референдум по вопросу о разделении в течение всего область. Однако решение большинства региона не было окончательно обязательным для тех районов и муниципалитетов, в которых большинство избирателей отказались от отделения. Затем эти районы могут инициировать новый референдум, чтобы оставаться на основе их права на самоопределение в кантоне Берн. В конце концов даже пограничным муниципалитетам было предоставлено право на самоопределение, предоставляющее большинству населения возможность отклонить большинство голосов округа и принять решение путем демократического голосования либо присоединиться к новому кантону, либо остаться в кантоне Берн.[20, с.21].

Заключительный результат разных голосований по сексу

Территория нового кантона, сформированного этими разными голосами, не разделила два новых кантона на языковые, но религиозные термины. Фактически, только традиционная религиозная область католических франкоязычных районов и муниципалитетов решила отделиться от старого кантона, чтобы создать новый кантон Юры. Если страны, находящиеся под угрозой сепаратистских движений, следовали этому принципу большинства, разрушающемуся до небольших муниципалитетов, можно было избежать многих ужасных недавних конфликтов, таких как бывшая Югославия, Судан и Шри-Ланка.

Однако с созданием нового 26-го кантона Швейцарии конфликт не был окончательно решен. В частности, мнения народов, проживающих в районах старого, преимущественно немецкоязычного кантона, менялись в течение последних 30 лет. Кроме того, новый кантон Юра всегда готов приветствовать жителей этих районов на своей территории.

Поиск решения для преодоления Отдела Юры

Для того, чтобы найти устойчивое и мирное решение, была создана парламентская консультативная ассамблея из представителей

всего региона. На этой Ассамблее была задача найти мирное решение, приемлемое для всех, с тем чтобы положить конец этому конфликту. Фактически, сборка не смогла договориться о одном решении. Он предложил два противоречивых решения: создать новый общий кантон всего франкоговорящего региона и один расширить существующую автономию оставшегося французского региона в кантоне Берн. Таким образом, Швейцария в ближайшем будущем все еще столкнется с некоторыми серьезными проблемами в отношении границ кантона Берн. Однако, независимо от решения, число 26 федеральных кантонов, включая 6 полукантонов, не изменится.

Уроки, извлеченные из дела Юры

Важный урок, который следует извлечь из этого сепаратистского конфликта, заключается в том, что в мультикультурной стране никогда не существует прямых решений этнических конфликтов. Самое главное, однако, то, что страны, столкнувшиеся с такими конфликтами, могут найти законные, демократические процедуры, приемлемые для большинства соответствующего населения.[20, с.26].

ГЛАВА 2.ШВЕЙЦАРСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ КАК МОДЕЛЬ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

2.1. Швейцарская система общественного согласия

Швейцария - захватывающий случай для сравнительной политологии. Его политические институты и политические процессы делают его почти архетипом федералистской консенсусной или консенсусной демократии. Соответственно, Швейцария стала одной из альтернатив мажоритарной демократии. Кроме того, политические институты Швейцарии были отмечены гораздо более высоким уровнем прямой демократии, чем в других странах. Швейцарская Конфедерация также может похвастаться своими очень хорошими знаками с точки зрения “богатства наций” Адама Смита и с точки зрения ряда результатов политики и результатов политики. Как измеряется ВВП на душу населения (ВВП), Швейцария является одной из самых богатых стран в мире, и только по этой причине уровень жизни в Швейцарской Конфедерации очень высок. Но помимо этого высокий ВВП на душу населения позволяет государству обеспечить высокий уровень выгод, хотя доля государственных расходов Швейцарии в процентах от валового внутреннего продукта относительно невысока по сравнению с другими странами. Умеренно высокая доля государственных расходов в процентах от валового национального продукта и умеренный уровень социальных расходов (измеряемая общественными расходами на социальную сферу в процентах от ВВП) свидетельствует о том, что государственная политика в Швейцарии - по крайней мере, в отношении налогообложения и расходов - является более жестко контролируемых и более прочно финансируемых, чем в большинстве других стран-членов ОЭСР. Относительно низкие издержки государственного долга также указывают на этот вывод. Показатель производительности Швейцария является не чем иным, как впечатляющим, когда дело касается занятости и ее антиинфляционных мер. В течение многих лет Швейцария отличалась низким уровнем безработицы. Это особенно примечательно тем, что в стране очень высокий уровень участия в рабочей

силе, а также низкий темп экономического роста. Не менее примечательно то, что в то же время Швейцария может похвастаться низким уровнем инфляции - как будто конфликт между уровнем безработицы и уровнем инфляции не может быть.[32, с.43].

Как будто этого было недостаточно, граждане Швейцарии также имеют гораздо более высокую, чем средние оценки, за работу своих правительств, согласно последнему докладу ОЭСР “Правительство на первый взгляд” (2013 год). В категории “одобрение руководства страны” Швейцарская Конфедерация получила высший рейтинг. Это коррелирует с очень высоким уровнем доверия к федеральному правительству (“доверие к национальному правительству”, *ibid.*).

В совокупности это знаки швейцарской истории успеха, которые являются предметом зависти многих других народов и правительств. Этот успех не ограничивается экономикой и фискальной политикой; Социальная политика также является важным компонентом. Низкий уровень безработицы, например, указывает не только на успешную мобилизацию населения трудоспособного возраста в странах; это указывает также на высокий уровень социальной интеграции как иностранных, так и местных рабочих. Более того, он освобождает путь для “анонимной социальной политики рыночного механизма”, поскольку Ханс Розенберг, один из ведущих социальных историков, умело описал один из неправительственных путей социальной защиты.

Низкий уровень инфляции - это не просто преодоление крайне опасной экономической проблемы. Это отражает не только успех в контроле инфляционного давления, но и “социальную политику на спокойных ногах”: в случае людей с ограниченными доходами редко корректируются в ответ на повышение цен, а затем только после задержки их заработок лучше защищен по относительной стабильности цен, чем по умеренным или высоким темпам инфляции.

Швейцария, сравнительно твердое государственное финансирование,

о чем свидетельствует относительно умеренный уровень государственного долга и уровень обслуживания долга, который является одним из самых низких в мире, не только респектабелен с точки зрения фискальной политики, но и относительно устойчив и будет меньше подчеркивают будущие поколения, чем фискальная политика большинства других стран-членов ОЭСР.

Как можно объяснить успехи этих индикаторов? Этот вопрос легче сформулировать, чем отвечать. Некоторые подходы объясняют историю успеха Швейцарии, рассматривая особенности, характерные для Швейцарии; они будут освещены во второй части этого эссе. То, что оказалось более сложным, - это поиск подходов, которые не удовлетворяются швейцарской исключительностью и которые хотят интерпретировать историю успеха Швейцарии с точки зрения международного сопоставления с другими успешными или неудачными богатыми демократиями.[32, с.74].

Особые объяснения для успеха в Швейцарии

История успеха государственной политики Швейцарии (как определено в первой части этого эссе) не соответствует стандартным объяснениям, полученным в результате сравнительных исследований государственной политики, и не может быть найдена в учебниках по экономике. Сочетание относительно стабильных цен, почти полной занятости, более высокий уровень участия рабочей силы, относительно прочные государственные финансы в сочетании с управляемым обслуживанием долга и высокой заработной платой представляет собой проблему для экономики и политологии.

Большинство экспертов взяли на себя эту задачу и разработали объяснения для швейцарской истории успеха, которые сосредоточены на особенностях, характерных для Швейцарии. Среди этих объяснений, шесть подходов заслуживают особого внимания:

1. Эксперты по изучению экономической политики склонны объяснять успехи Швейцарии, как результат необычайно благоприятных

экономических условий. Ключевыми понятиями здесь являются конкурентоспособная экономика, гибкие бизнесмены (особенно в секторе экспорта), высококвалифицированные, дисциплинированные и трудолюбивые люди, а также способ трудовых отношений, в которых преобладает социальное партнерство. К этому можно добавить диверсифицированную экономическую структуру, которая менее подвержена кризисам, чем страны многих крупных стран. В отличие от Германии, например, Швейцария не участвует в крупных, подверженных кризису отраслях, таких как угольная промышленность, металлургическая и судостроительная отрасли.[34, с.60].

2. История успеха Швейцарии также была приписана ее политическим созвездиям. Из них политические и культурные преимущества, вытекающие из того, что Швейцария является такой давней демократией, играют важную роль. Эти преимущества включают политическую культуру, которая подчеркивает независимость, отношение к бизнесу и чувство солидарности, ориентированное на общее благо. Более того, в этой культуре сотрудничество, а не конфронтация - это не просто требование для политических институтов; это также принцип, согласно которому подавляющее большинство придерживается.

3. Демократические структуры Швейцарии являются частью основанных на политике объяснений ее успехов, в частности ее обширных прав на политическую самоопределенность, с одной стороны, и выраженной децентрализации государства, с другой. Эффекты этих учреждений могут быть лучше всего захвачены с использованием процесса, описанного Р.Д. Калпеппер (2010). В случае политических вопросов, которые мало интересуют широкую общественность, существует тенденция к тому, что частный сектор и экономическая политика государства будут ассиметрично распределять ресурсы на пользу мощных экономических интересов. Экономическая деятельность и экономическая политика могут принести большую пользу широкой общественности, когда эти вопросы будут

подвергнуты общественному контролю, когда они станут «выдающимися» для общественности и когда общественность решит отстаивать свои интересы на политической арене. Только тогда будет считаться целесообразным проведение политики для обеспечения симметричного распределения ресурсов. Именно так в Швейцарии действует сочетание представительной и прямой демократии с энергичным федерализмом. Эта комбинация ставит деятельность экономической политики на постоянное отображение избирателей и средств массовой информации, чей контроль становится все более интенсивным, когда на карту поставлены показатели, которые привлекают большое внимание и затрагивают как общество, так и экономику в целом, такие как безработица, денежной стабильности и государственного финансирования.

4. Федеративная Республика Германия недавно стала интерпретироваться в литературе как «государство, разделяющее власть» (Schmidt 2011: 497). Однако в Швейцарии обмен политической властью продвинулся еще дальше (Vatter 2014). Швейцария в значительной степени выигрывает от потенциальных преимуществ демократии переговоров, которая возникает в результате разделения власти. Увеличение разделения власти приводит к другим изменениям: существует больше возможностей для предотвращения иерархического контроля и попытки пресечь попытки управления главами оппозиции в зародыше, а у наиболее важных индивидуальных и коллективных участников есть более сильные стимулы к сотрудничеству и более вероятно, увидит потенциальные преимущества для сотрудничества. Когда наиболее важные политические акторы фактически сотрудничают и извлекают из этого опыта, что сотрудничество стоит их время, перспективы для предсказуемых, стабильных и доверительных взаимодействий увеличиваются. Это не только экономическая деятельность, способствующая процветанию, которая извлекает выгоду из этих взаимодействий, но и мероприятия, которые способствуют солидарности и учитывают социальный баланс. Именно эти два вида деятельности можно

понимать как формирование одной из основ успеха в Швейцарии, в сферах занятости, денежно-кредитной политики и фискальной политики.

5. Дополнительными факторами для объяснения этой истории успеха являются дружелюбные к бизнесу созвездия актеров и благоприятное для бизнеса распределение политической власти в Швейцарии. С. Trampusch и А. Mach (2011b), например, видели особенности швейцарской политической экономики во взаимодействии трех факторов: федеральные правительства ограничивали политический потенциал, большую власть, которую занимали частные субъекты, чтобы регулировать себя, и политическое доминирование дружественных бизнесу сторон, имеющих тесные отношения с руководством. Некоторые из причин для истории успеха в Швейцарии также можно найти среди этих особых характеристик. У руководства и центристских и правых партий есть мощные силы на их стороне, которые способствуют дружественной бизнесу конфигурации денежно-кредитной и фискальной политики, в то время как кооперативные модели в производственных отношениях играют свою роль в обеспечении того, чтобы политика, благоприятная для бизнеса, сопровождалась политикой, целью которых является социальный баланс и социальная сплоченность.

6. Шестой объяснительный подход гласит, что Швейцария также получает прибыль от своего гибкого, нелогичного сочетания рыночной и интервенционистской политики. Это нетрадиционное сочетание либерализма и протекционизма включает в себя позицию денежно-кредитной политики, откалиброванную для денежно-кредитной стабильности, а также защиту прав собственности и защиту особых интересов, например, в сельском хозяйстве, а также в отношении льготного режима, предоставляемого коренным рабочим на рынке труда политики (Schmidt, 1985). Другие элементы, входящие в политический состав Швейцарии, включают умеренную фискальную политику и рынок труда, который, в отличие от многих других стран ОЭСР, предлагает сравнительно небольшую защиту от работы: защита работы в Швейцарии довольно слаба, но поскольку она в значительной

степени затрудняет аутсайдера разделение на рынке труда, его обычно можно рассматривать как дружественное к работе. В целом, Швейцария извлекает выгоду из того, что она превратила политические инструменты из разных экономических культур и экономических теорий в свою экономическую, фискальную и социальную политику. В целом результат был разумным “путанием”, который оказался полезным для страны, не в последнюю очередь в том, чтобы справляться с серьезными рецессиями, такими как “Великая рецессия” 2008 и 2009 гг.[24, с.48].

Сравнительная история Швейцарии

Объяснительные подходы, обсуждаемые до сих пор, дают правдоподобное объяснение: успех Швейцарии в занятости, стабильность цен и государственное финансирование основаны на особенностях его экономики и особенностях его политических институтов, политических субъектов и политических процессов.

Из этого следует многое сделать. Но любое объяснение этого успеха было бы исключительно убедительным, если бы оно могло выдержать испытание международным сопоставлением, и если бы оно смогло доказать, что этого успеха не произойдет, если условия, при которых Швейцария была настолько успешной, отсутствовали. Производительность тех стран, которые подобны Швейцарии, должна быть одинаково хороша, в то время как другие страны должны будут работать менее эффективно, чем Швейцария.

Но это явно не всегда так. Например, Швейцария - не единственная страна, у которой низкий уровень безработицы и низкий уровень инфляции. Низкая безработица и низкие темпы инфляции также относятся к Японии и Норвегии. Кроме того, высокий уровень занятости и относительно стабильные цены были товарным знаком Федеративной Республики Германии с середины 1950-х годов до середины 1970-х годов. В качестве еще одного примера Швейцарская Конфедерация - не единственная страна, которая выделяется из-за своей достаточно прочной государственной политики; эту честь также разделяют Норвегия и Корея - страны, чьи

политические системы полностью отличаются от политической системы Швейцарии.[36, с.18].

Это поднимает два дополнительных вопроса, хотя на самом деле только второй из них можно условно ответить в настоящее время из-за ограниченного объема доступных данных. Во-первых: В какой степени можно обобщить конкретные объяснения для этой истории успеха в Швейцарии? И второе: в какой мере эти объяснения могут дополняться дополнительными переменными? Международное сравнение Швейцарии с другими странами, особенно с другими богатыми демократиями, является одним из возможных подходов к поиску ответов на эти вопросы.

Однако для такого сравнения и объяснения, которое относится к истории успеха как Швейцарии, так и других экономически развитых демократий, не существует общепринятого плана, который уже имеется. Кроме того, сопоставимые на международном уровне данные не всегда доступны для всех возможных объяснительных подходов. Тем не менее, имеются исследования, в которых можно было бы провести сравнение. Из них есть ряд исследований - и опять же этот список не является исчерпывающим, что может потенциально оказаться очень продуктивным. Помимо специфических объяснений политики для уровней безработицы и процентных ставок, одной из возможных отправных точек является Р. KatzensteinsSmallStates на WorldMarkets (Katzenstein 1985). Возможны также сравнительные исследования по типам демократии и влиянию сторон на публичную политику.

Одна из оснований для объяснения истории успеха Швейцарии с сравнительной точки зрения заключается в работе Питера Катценштейна (Katzenstein 1984, 1985). По словам Катценштейна, малые государства имеют сравнительные преимущества на мировых рынках, если они объединяют по меньшей мере четыре из следующих: кооперативные трудовые отношения; интеллектуальное включение групп интересов в формирование государственной политики; сотрудничество между наиболее важными

политическими субъектами; и скоординированные политики, которые способствуют развитию экономики и делают рынок труда более гибким. Если эти факторы присутствуют, вполне вероятно, что страна достигнет высоких показателей эффективности экономической политики и занятости. Швейцария получает прибыль от этих механизмов по сей день. В последнее время международное сопоставление уровня безработицы Катрин Дюмигс свидетельствует об этой теории. Участие руководства и рабочей силы в экономической и социальной политике включено в число ключевых факторов Дюмигс для низкого уровня безработицы в странах-членах ОЭСР. Очевидно, что это не единственная объясняющая переменная; скорее, он работает в сочетании с несколькими другими экономическими конфигурациями - особенно с экономическим ростом, капитальными расходами и удельными затратами на рабочую силу, а также с показателями управления поставками рабочей силы и управления спросом на труд, гибкими структурами рынка труда и эффективной политикой рынка труда.

Исследование Дюмигса является классическим примером объяснения конкретных областей политики успехами и неудачами в борьбе с безработицей, а также доказало свою эффективность для объяснения низкого уровня безработицы в Швейцарии. Подходы к конкретным областям политики также способствуют объяснению успеха Швейцарии в борьбе с инфляцией. Со времени публикации сравнительного исследования Андреаса Бушса по политике ценовой стабильности (Busch 1995) можно было учитывать различные темпы инфляции в странах-членах ОЭСР, используя три ключевых пункта: автономию центрального банка, конфликты распределения и фрагментацию фискальных политика. Согласно модели Буша для объяснения инфляции, успешная политика стабильности цен обнаруживается, когда автономный центральный банк концентрирует свою деятельность на борьбе с инфляцией, когда распределительные конфликты между профсоюзами и работодателями являются умеренными и включают незначительные забастовки, а также при умеренных размерах, фрагментации

и низком уровне гибкость бюджетных ресурсов правительств приводит к слабой позиции фискальной политики в отношении предпочтений центральных банков в отношении денежно-кредитной политики, ориентированной на стабильность цен. Бушская модель темпов инфляции также применяется к Швейцарии: ее центральный банк является автономным и направляет свою деятельность, квалифицированную по ее расчетам валютной политики, в значительной степени в сторону ценовой стабильности; распределительные конфликты между работодателями и рабочими являются умеренными и довольно кооперативными, что измеряется низким количеством забастовок; и фискальная политика правительства фрагментирована из-за ее умеренно большого государственного бюджета и его разделения на федерацию, кантон и муниципалитет.

В свете последних событий, таких как триумф автономной структуры центрального банка и продвижение еврозоны и Европейского центрального банка.[33, с.63].

- ясно, что модель Буша для объяснения темпов инфляции должна быть дополнена. Тем не менее, ядро модели по-прежнему является целесообразным для более активного объяснения различий между относительной ценовой стабильностью (как в Швейцарии, а в последнее время в некоторых странах еврозоны) и более высоких темпов инфляции в странах с институциональным аппаратом, что является более открытым для инфляции. Несмотря на плодотворность объяснений отраслевой политики для успеха швейцарских рабочих в занятости и политики ценовой стабильности, они все равно не могут ответить на еще один вопрос: почему Швейцария может похвастаться несколькими параллельными историями успеха? И как это могло быть успешным не только с точки зрения его экономической и фискальной политики, но и с точки зрения ее социальной политики? Возможно ли, что для этого есть один фундаментальный фактор, например, глубоко укоренившиеся политические и экономические причины?

Сравнительные исследования демократий предполагают гипотезу для этого, гипотезу сравнительного преимущества «консенсусной демократии», возникшую в результате исследования А. Лиджарта по мажоритарным и консенсусным демократиям. Поскольку консенсусные демократии обеспечивают лучшее управление и лучшие политические результаты, как в социальной, так и в экономической политике, согласно Лифхарту, представляется разумным предположить, что успехи Швейцарии в трудоустройстве, борьбе с инфляцией и государственными финансами обусловлены ее структурами консенсусной демократии, в то время как неудачи в этих областях политики можно отнести к институтам мажоритарной демократии.

На первый взгляд, похоже, в этой теории есть много моментов. Во-первых, Швейцария, как известно, очень близка к тому, чтобы быть чистой консенсусной демократией, как это определено Лиджфаром. Более того, Швейцария может указать на свои успехи по политическим показателям, содержащимся в цифрах с 1 по 4. Это означает, что объяснение консенсусной демократии имеет свои пределы. Хотя это объяснение, по-видимому, относится к Швейцарии, оно не распространяется на все демократические страны с переходной экономикой и на все мажоритарные демократии, поскольку некоторые мажоритарные демократии почти одинаково успешны в сферах занятости, стабильности цен и государственных финансов. С эмпирическим отношением отношения между уровнем безработицы, уровнем инфляции и обслуживанием долга, с одной стороны, и индикаторами консенсусной демократии, с другой стороны, являются довольно рыхлыми, зависимыми от выборки и незначительными.

Кроме того, это объяснение политики с точки зрения институтов (таких как показатели лиджартов консенсусной демократии) является неполным. Несмотря на то, что институты представляют собой влиятельные системы правил, которые исключают некоторые возможности для действий («ограничения») и облегчают другим («благоприятные условия»), институты

не предписывают политические решения и не определяют результаты политических решений. Только по этой причине такие переменные, как уровень безработицы и уровень инфляции, не могут учитываться непосредственно учреждениями, такими как структуры консенсусной демократии. Скорее, необходимо использовать комбинации институциональных теоретических подходов и акцентированных подходов, таких как актер-центрированный институционализм или комбинации институциональных подходов и партизанской теории чтобы объяснить их.

Партизанская теория могла бы фактически способствовать объяснению успехов швейцарских земель со сравнительной перспективы. Согласно этой теории, как краткосрочный, так и долгосрочный партизанский состав правительств и крупные изменения правительств оказывают значительное влияние на государственную политику. Партизанская теория также подходит для сравнения, которое включает Швейцарию. Например: Есть много причин того, что доля швейцарских земель в государственных расходах, как доля ВВП, в лучшем случае, довольно средняя. Эти причины включают политическую окраску правительств федераций. Как видно из их долгосрочного партизанского состава, в федеральных правительствах Швейцарии доминируют партии из либеральных, христианских демократических и национальных консервативных крыльев. Хотя это правда, что Швейцария социал-демократическая партия участвовала в Швейцарию Федерального совета без перерыва с 1959 года, он был в подчиненной роли и с меньшим влиянием, чем в странах, где, как социал-демократия и профсоюзы сильны, как в скандинавских странах и в Австрия. Хотя политическое господство центристских и правых партий в Швейцарии, возможно, способствовало вмешательству государства с помощью регуляторной политики, оно также ограничило государственные расходы по сей день.[37, с.13].

Влияние партизанского состава федеральных правительств Швейцарии на налогообложение и расходы распространилось на другие

области политики и поэтому может считаться одной из общих причин истории успеха Швейцарии. Сила правых партий в правительстве и слабость левых правительств, в частности, также сглаживали путь для политики ценовой стабильности и политики дерегулирования, которая обеспечивала гибкость рынка труда, а также была благоприятной для занятости. Более того, умеренный уровень государственных расходов как доля ВВП привел к лишь умеренно высокому уровню государственного долга с соответственно более низким уровнем обслуживания долга, чем в странах с более высоким уровнем задолженности. Таким образом, более сильное государственное финансирование в Швейцарии может быть прослежено, по крайней мере частично, партизанскому составу швейцарского федерального правительства

2.2. Швейцарский федерализм в эпоху глобализации

Швейцария очень часто рассматривается как модель федеративного государства. Федеральные власти, существующие в этой стране, объединяют многочисленные интересы. Швейцария является страной, где сосуществуют разные языковые и религиозные группы. Более того, эта ситуация усугубляется разделением на бедные сельскохозяйственные и богатые промышленные кантоны. Такое разнообразие Швейцарии в определенном смысле отражает ситуацию в Европейском союзе (ЕС), где также существуют страны, которые во многих отношениях различаются. Поэтому, в некотором смысле, имеет смысл сравнить ЕС с Швейцарией. Швейцарские конституционные решения гарантируют, что кантоны и каждый социальный язык и религиозная группа влияют на политику всей федерации. Конкретный характер Федерального совета, швейцарского правительства, вводит модель постоянного правительства большой коалиции (Musia³-Karg, 2012, стр. 118-120), неизвестного в любой другой стране, что можно сравнить с межправительственными институтами ЕС, как Европейский Совет и Совет Европейского Союза, которые также являются своего рода крупной

коалицией. Кроме того, Европейская комиссия, которая является наднациональным учреждением, является своего рода великой коалицией. Следует отметить, что в соответствии с изменениями, внесенными Лиссабонским договором, Европейский совет должен учитывать результаты недавних выборов в Европейский парламент, когда указывается кандидат в президенты Комиссии (пункт 7 статьи 17 Договора о Европейском Союзе).

В рамках европейской интеграции с момента ее создания обсуждались форма и характер характера сотрудничества. Одной из основных тенденций в этой дискуссии является федеральная модель, представленная в самом начале так называемыми отцами-основателями интеграции, а в последующие годы продолжалась, например, Йошка Фишер. Даже сегодня, в эпоху экономического кризиса и неопределенности в отношении судьбы Союза, эта модель вернулась и вновь открыла дискуссию о будущем ЕС.

Конституционные механизмы, действующие в Швейцарии, могут дать очень полезный ключ к тому, как регулировать разделение компетенций между Союзом и государствами-членами, с одной стороны, сохранять автономию государств как можно дальше, а с другой - обеспечивать эффективность Союза.

Цель этих соображений - попытаться найти ответ на вопрос о том, как швейцарская модель федерализма и историческое развитие федерального принципа в этой стране могут быть использованы при изучении политической системы ЕС и могут ли швейцарские решения переноситься в ЕС.[38, С.44].

12 мая 2000 года министр иностранных дел Германии Йошка Фишер во время выступления в Университете Гумбольдта в Берлине сделал несколько ссылок на будущее Европейского союза. В контексте запланированного расширения Европейского союза для включения стран Центральной и Восточной Европы необходимо было скорректировать институциональную систему и функционирование Союза на новые реалии. Эта огромная проблема была поводом для рассмотрения всей европейской

интеграции. Впервые за долгое время ведущий европейский политик упомянул федералистскую концепцию европейской интеграции. Осознавая нежелание некоторых политических лидеров и европейских обществ к концепции, Фишер утверждал: “Если европейская интеграция объединяет национальные государства вместе с ней в такую Федерацию, только если их институты не будут девальвированы, или даже исчезнут, будет ли такой проект работоспособен, несмотря на все огромные трудности. Иными словами, существующая концепция федерального европейского государства, заменяющего старые национальные государства и их демократии как новую суверенную власть, проявляет себя как искусственная конструкция, которая игнорирует установленные реалии в Европе. Завершение европейской интеграции может быть успешно реализовано только в том случае, если оно будет осуществляться на основе разделения суверенитета между Европой и национальным государством. Именно в этом и заключается идея, лежащая в основе концепции “субсидиарности”, темы, которая в настоящее время обсуждается всеми и практически не понимается” (Fischer, 2000, стр. 25).

На данный момент стоит подумать о том, какая модель федерализма будет наиболее подходящей для Европейского Союза. Ответ на этот вопрос затруднен, потому что каждая федеральная система уникальна. Поэтому не может быть простой передачи существующих решений из одного из федеральных государств в ЕС. Это не означает, что никакие элементы федеральных решений не могут использоваться при планировании будущей формы системы ЕС. В настоящем документе представлены основные принципы федерализма в Швейцарии, поскольку генезис и федеральные решения страны в значительной степени отражают проблемы ЕС и, следовательно, представляют собой лучшую модель для Союза. [38, с.52].

Федерализм в Швейцарии

Волк Линдер пишет: “Швейцария представляет собой парадигматический случай политической интеграции” (Linder, 1996, стр. 26). Начало этого процесса можно проследить еще в тринадцатом веке. В 1240

году император Фридрих II одобрил отношения между тремя территориальными сообществами, именуемыми в дальнейшем кантонами - Долиной Ури, общиной долины Швиц и Унтервальденом. В начале августа 1291 года три сообщества решили подписать первое письменное соглашение.³ Основной причиной подписания документа была необходимость консолидации власти перед лицом внешних угроз. Однако другие положения соглашения касались вопросов внутреннего характера, значимых в то время, таких как поджог, кража, судебное преследование и наказание за такие преступления, а также необходимость подчиняться властям и соблюдать закон. Начиная с 1332 года, когда было подписано соглашение между тремя общинами и Люцерном, швейцарская ассоциация продолжала расти и включать другие территории и города. Новые сообщества заключили соглашения со всеми членами ассоциации или с выбранными организациями. В 1351 году Цюрих присоединился к ассоциации, а через два года Берн, Базель, стал членом в 1501 году, заключив соглашение с общинами, входящими в профсоюз. В 1584 году Женева подписала соглашение с Цюрихом и Берном. С расширением альянса отношения с Империей потеряли значение. В 1499 году в Дорнбахе состоялось сражение швейцарских конфедератов с императором Максимилианом I. Потеряв, Император признал независимость альянса. Несколько лет спустя, в 1515 году, произошло следующее важное событие: битва при Мариньяно, где швейцарская армия была побеждена французскими войсками. Битва закончилась швейцарскими устремлениями в Ломбардии, и Швейцарская Конфедерация никогда не возвращалась к войне, объявив нейтралитет в 1525 году. Это был символический конец швейцарских стремлений завоевать новые территории (Maissen, 2010, стр. 98). Еще одна важная дата в истории Швейцарии - 14 октября 1648 года. Договор Оснабрюка гарантировал полную независимость швейцарского союза от Императора (Wójcik, 1995, стр. 378). В то время Швейцария усиливалась как в политическом, так и в военном отношении. Альянс также

включал союзные страны и территории, приобретенные в периоды войны в дополнение к кантонам. Но внутри страны Швейцария оставалась только свободным союзом разных городов и муниципалитетов. Единственным общим учреждением в то время была Ассамблея - Метки, которая собиралась раз в год в июле, в Бадене. У него мало возможностей для формирования политики, как внутренней, так и внешней. Внутренние дела там требовали согласия всех представителей, и вопросы, связанные с внешней политикой, обсуждались только без принятия каких-либо обязательных решений. В эпоху Французской революции Франция завоевала Швейцарию, а 12 апреля 1798 года в Аарау была введена новая единая конституция (Hilty, 1878, стр. 731). Статья 1 этого Закона определяет Швейцарию как унитарное и неделимое государство и отменяет границы между кантонами. Конституция была для своего времени очень современной. Статья 6 гарантирует свободу вероисповедания, а статья 8 отменяет все государственные привилегии, в том числе титулы дворянства. Вторая часть была посвящена конституционному разделению земель Гельвета. Статья 15 устанавливает следующие административные единицы: кантоны, районы, муниципалитеты и участки более крупных муниципалитетов или районов (Dieerstehelvetische ...). Согласно конституции, кантоны были равны с точки зрения прав, но Здзизлав Чжезейко-Сочацкий пишет, что они были не более чем единицами административного деления (Чесейко-Сочацки, 2000, стр. 8, Вебер, 1980, стр. 50). Конституционный порядок, установленный Конституцией, был сохранен на территории Швейцарии с помощью армии Наполеонов. И когда французские войска вышли из Гельветовой Республики в 1802 году, между сторонниками и противниками нового порядка разгорелась гражданская война. Эта кратковременная гражданская война получила название «войны с палками» (немецкий стикклеиринг), поскольку основным оружием были деревянные палочки или шуки (Stüssi-Lauterburg). Чтобы разрешить ситуацию и восстановить порядок, армия Наполеонов должна была вернуться в Швейцарию. После этих событий Наполеон опубликовал новую

конституцию 19 февраля 1803 года, названную Актом посредничества - посредничеством. Этот документ важен, поскольку он восстановил федеральный порядок в Швейцарии. В статье 1 Закона о посредничестве перечислены все 19 кантонов, что указывает на то, что они образуют союз, который дает им свои конституционные гарантии, свободу и независимость и территориальную целостность. Он восстановил Ассамблею[31, с.85].

Tagsatzung, в котором каждый кантон был представлен одним представителем (статья 25 Закона об посредничестве). Существует вопрос о том, является ли Закон о посредничестве конституцией союза государств - Штатенбенд или, может быть, федерального государства - Бундесстаат

Венский конгресс поручил швейцарцам принять новую конституцию. И один был фактически принят 7 августа 1815 года двадцатью двумя кантонами. Трудно сказать, что это была конституция в истинном смысле этого слова. Это был гораздо более договор федерации

Bundesvertrag. Этот акт был многосторонним соглашением независимых и суверенных швейцарских кантонов, в котором они гарантировали друг другу обеспечение свободы, независимости и безопасности от внешних угроз и поддержание правопорядка внутри страны. Основным институтом альянса была Ассамблея, которая обладала полномочиями объявить войну или подписала мирные договоры и союзы с другими странами. В этих важных случаях решения принимались большинством в три четверти голосов. Другие решения принимались абсолютным большинством голосов. Пока Ассамблея не заседала, вопросы федерации контролировались кантоном, который в настоящее время возглавляет. У Ассамблеи не было никаких инструментов, которые могли бы заставить кантон подчиняться его решениям. Zdzisław Czeszejko-Sochacki пишет: «В швейцарской доктрине Ассамблея не рассматривается как парламент в истинном смысле этого слова. Независимо от отсутствия других характеристик современного парламента, Ассамблея не была создана в результате выборов, поскольку ее члены были назначены и направлены кантональными властями» (Чесейко-Сочацки, 2000, стр. 9).

Важным фактором интеграции стало промышленное развитие. Для борьбы с международной конкуренцией необходимо было укрепить правительство. Попытка пересмотреть контракт федерации (Bundesvertrag) уже была сделана в 1832 году, но предлагаемые решения не получили необходимой поддержки. Любые изменения в соглашении были заблокированы консервативными католическими кантонами, требуя дальнейшего единодушия в принятии таких решений в будущем. Кантоны, в которых большинство из них были католиками, опасались увеличения полномочий центрального правительства, рассматривая этот процесс как угрозу религиозной свободе (Linder, 1996, стр. 27-28). С другой стороны были протестанты, называемые радикалами. Они жили главным образом в лучших экономически развитых кантонах с развивающейся промышленностью. Они выступали не только за укрепление центрального правительства, но и за демократизацию социальных и политических отношений. В 1845 году семь католических кантонов, стремясь укрепить свое политическое положение, решили вступить в сепаратистскую договор - Sonderbund (Roca, Sonderbund, Bucher, 1966, *passim*). Когда в 1847 году протестантское большинство разработало конституционные поправки, представители католических кантонов покинули Ассамблею. Это было признано другими кантонами в качестве отделения и привело к началу гражданской войны (Sonderbundkrieg). Конфликт закончился победой протестантских кантонов и крахом Зондербунда (Bucher, 1966, *passim*, Weber, 1980, стр. 53). Эти события ускорили процесс реформирования государства. Гражданская война полностью показала несовершенства существующего порядка. Победоносным радикалам пришлось столкнуться с дилеммой: построить ли централизованное унитарное государство или, учитывая культурные, этнические и другие различия, попытаться восстановить свободную связь в государстве с реальной федеральной структурой. Был выбран второй вариант, и началась работа над проектом новой конституции. Проект предполагал создание центрального правительства, и кантоны должны были ограничивать свои суверенные права. Проект был представлен

на утверждение кантонам в конце лета 1848 года. Несмотря на некоторые возражения против правильности голосования в кантоне Люцерн, где радикалы, которые тогда правят, составляли 30 процентов голосов, поданных против конституции в качестве голосов (Линдер, 1996, стр. 30), 12 сентября Ассамблея признала, что Конституция получила необходимую поддержку.

Основные авторы Швейцарской конституции 1848 года - Иоганн Конрад Керн и Генри Друй - основывали свое предложение на некоторых решениях, изложенных в Американской конституции 1787 года (Jorio, 1997, стр. 139-160). Отсюда, возможно, появилась идея двухпалатного парламента, который ранее был неизвестен в швейцарской конституционной практике и был создан, чтобы примирить идею национального государства с независимостью кантонов. Конституция была заменена в 1874 году новым актом, который не сильно отличался конституционными вопросами. Принятие Федеральной конституции в 1848 году оказалось одним из самых важных событий в истории Швейцарии. Чесейко-Сочацки пишет: "Основные решения Федеральной конституции 1848 года стали основой для Федеральной конституции 1874 года, а правила и некоторые из более подробных положений были приняты новой конституцией 1999 года"[39, с.47]..

Принцип федерализма в Швейцарии

Рене Риноу пишет: "Это была специальная просьба инициаторов реформы конституции, чтобы дать федеративной идее в Конфедерации форму в духе, который соответствовал бы сегодняшнему дню". На этом этапе необходимо установить определенную двойственность в терминологии. Официальным названием новой конституции была Федеральная конституция Швейцарской Конфедерации. Появление вместе терминов: "федеральная и" конфедерация "могут вызывать сомнения относительно того, с каким предметом международного права мы имеем дело. "Конфедерация - это система суверенных государств, основанная на международном договоре, тогда как" федерация »относится к государству, в котором существует

разделение полномочий между федеральными и членскими единицами. Конституционная концепция «конфедерации» относилась к историческому опыту швейцарской политической системы и более ста шестидесяти лет не указывала характер отношений между кантонами. Таким образом, согласно термину «конфедерация, происходящий в некоторых положениях Конституции, следует рассматривать как синоним термина» федеральный «.

Федеральная конституция 1999 года подтверждает гарантию государственности и независимости кантонов - статья 3, а дополнительно статья 47 требует от федерации охранять свою независимость. Конституция содержит очень подробное изложение задач разных уровней федеральной структуры и описывает точный характер регулирования отношений между этими уровнями, а также разделение полномочий.

Поскольку кантоны были движущими силами создания общего государства, они с самого начала гарантировали высокую степень политической автономии, особенно когда речь заходила об их участии в процессе принятия решений. Линдер называет конституционный опыт, особенно период с 1803 по 1815 год - время Закона о посредничестве, как фактор, влияющий на форму швейцарского федерализма на заре, затем служит примером попытки реализовать конституционный тест в некоторых кантонах в третьем и четвертом десятилетиях девятнадцатого века. Наконец, Линдер указывает на положительные сигналы из опыта США, где системе удалось совместить принцип федерализма и демократии. Федерация стала «третьим путем между конфедерацией, которая стала немного старомодной моделью и унитаризмом, которая никогда не была подходящей для швейцарской ситуации.[39, с.52].

Все уровни федеральной структуры государства обладают уникальными, но ограниченными полномочиями. Они обязаны федеральной конституцией сотрудничать и гарантировать уважение демократических принципов.

Политическая власть кантонов, вытекающая из их исторических

корней, определяет рамки швейцарского федерализма. Уже в начале функционирования федерации компетенции центрального правительства были ограничены несколькими областями. Однако, как и в других странах с федеральной структурой, со временем центральное правительство начало расти и приобретать больше компетенций. Изменения в мире также повлияли на этот процесс, особенно в том, что касается экономического развития и технического прогресса.

Волк Линдер пишет: «Даже на абстрактном уровне конституционных принципов разделения властей между центральным правительством и кантонами он не может быть определен раз и навсегда. Федеральное государство должно установить правила, касающиеся того, как справляться с изменениями в распределении централизованной и децентрализованной власти, и решать, кому поручать новые обязанности, возникшие в связи с изменениями в экономике и обществе ». Проблема разделения властей между двумя уровнями федеральной структуры всегда вызывала сильные эмоции. На каждом этапе развития федерализма были сторонники централизации, а также противоположного варианта. Первоначально спор продолжался между консервативными католиками и протестантскими радикалами. В настоящее время в пользу усиления полномочий федерального правительства в основном выступают сторонники сильного государства и интервенционизма. Для поддержания или даже повышения степени децентрализации выбирают прежде всего языковые меньшинства, в меньшей степени религиозные и бизнес-группы, которые обеспокоены слишком большим вмешательством правительства в экономику.

Федеральная конституция защищает кантоны от увеличения центральной власти. Здесь особо важна статья 3 Конституции, в которой говорится, что кантоны остаются суверенными во всех правах, которые не были переданы федерации. Швейцарское общество может принять решение предоставить некоторые новые компетенции федерации, приняв соответствующие изменения Конституции на референдуме. Волк Линдер

говорит, что такое решение “описывает федерализм скорее как нецентрализационную систему, чем систему децентрализации”. Кроме того, следует помнить, что любое изменение Конституции требует создания широкого фронта сторонников такого решения. Любое предлагаемое изменение сначала требует поддержки в обеих палатах парламента, а затем принятия большинством всех граждан, поддерживаемых большинством более половины кантонов.[39, с.61].

Конституция Швейцарии не содержит исчерпывающего перечня компетенций, как для федерации, так и для кантонов. Питер Шонбергер пишет об этом явлении: “Задачи и распределение [финансов - AN] в федеральном государстве Швейцарии сильно проникают друг в друга”. В правовой системе и судебных решениях разработана система толкования Конституции, согласно которой на протяжении многих лет, особенно до принятия новой конституции, был решен, какие задачи, не упомянутые непосредственно Конституцией, должны осуществляться федерацией.

Хотя функции федерации ограничены, она осуществляет контроль над кантонами. Одним из решающих факторов является примат федерального закона как более высокий ранг, чем кантональный закон. Федерация обеспечивает, чтобы кантональные власти носили республиканский характер и уважали разделение властей на законодательные, исполнительные и судебные органы на уровне кантонов. У каждого кантона есть своя конституция (пункт 1 статьи 51). Федеральное собрание от имени федерации утверждает изменения в кантональных конституциях, проверяя их соответствие федеральному закону (статья 51, пункт 2). Федерация также обеспечивает равный доступ к возможностям для отдельных кантонов (статья 100, пункт 2). Швейцарские кантоны различаются по-разному. Они различаются по количеству жителей, площади, уровню индустриализации и т. Д. Однако наиболее важным фактором является разница в уровнях доходов среди граждан, которая иногда достигает даже 30 000 франков. По словам З. Чесейко-Сочацкого, национальный доход на душу населения в кантоне Цуг

превышает 65 000 франков, а в кантоне Юры - только 30 000 франков в год.

Цели федерации представлены в ст. 2 Федеральной конституции. Статья 42 имеет решающее значение для обсуждения компетенций федерации. Он определяет задачи федерации очень общим образом. В нем говорится, что федерация выполняет задачи, которые изложены Федеральной конституцией, и принимает задачи, требующие единообразного регулирования. Это совершенно другой подход, чем в случае компетенций кантонов. Они могут свободно выполнять и выполнять все задачи, которые не зарезервированы для федерации (статья 43). Поэтому в швейцарской системе действует принцип презумпции компетенции кантонов, хотя компетенции кантонов можно сузить, если федерация считает, что любая область требует общего регулирования на федеральном уровне.

Это означает, что любая новая компетенция или задача автоматически возлагается на регулирование или осуществление кантонов. Вот почему федеральное правительство должно заранее предусмотреть соответствующие правила. В противном случае может возникнуть впечатление, что федерация получает все задания от кантонов, которые еще не реализованы.

Много лет назад Герберт Люти писал о феномене Швейцарии: «это не национальное государство, это не унитарное государство или даже государство, основанное на однородном единстве. Государственная структура, созданная непосредственно из средневековья, и в значительной степени является отрицанием модели современного государства, которая начала складываться в Европе в девятнадцатом веке. Истоки и исторически сложившаяся идентичность в Швейцарии представляют собой не что иное, как средневековый союз интересов интересов против тенденций объединения разных территорий, династий, администрации или национальных княжеств. И именно эта историческая идентичность формирует политическую цивилизацию Швейцарии. [39, с.67].

Швейцарская модель федерализма дается в качестве примера федерализма в целом. Следовательно, должно быть что-то, что определяет

это утверждение. Федерализм - это не только разделение компетенций между различными уровнями федерации, но и стремление к гармоничному развитию всех частей государства. Швейцарский федерализм сформировался в течение долгого времени, действительно, это был восходящий процесс, который опирался на добровольное сотрудничество ранее независимых организаций. Поэтому партнеры имели возможность хорошо узнать друг друга, хотя из истории ясно, что нередко возникали конфликты, даже в вооруженных силах. Швейцария должна была примирить не только разные местные общины, но, прежде всего, общины или группы, которые по-разному различались: лингвистически, религиозно и культурно. Тот факт, что он успешно завершился, демонстрирует функциональность решений, принятых швейцарским федерализмом, которые дают гарантии значительной автономии кантонам, не отрицая при этом возможности реализации федеральных задач. Несмотря на эту положительную оценку швейцарского федерализма, проблемы и проблемы, возникшие в этой стране в последние годы и связанные с федеральными структурами, также должны быть приняты во внимание. П. Дарданелли отмечает, что большинство сегодняшних вызовов в Швейцарии связаны с кантонами и их способность оставаться столпами федеральной системы. Более того, автор считает, что полномочия кантонов в этой области устарели (Дарданелли, 2007, стр. 23). В этой связи автор приводит анализ, подготовленный швейцарским аналитическим центром AvenirSuisse, который несколько лет назад предложил территориальную реформу Швейцарии: создание шести крупных кантонов вокруг крупных городских центров и только возложение таких подразделений на более широкий круг компетенций, что позволяет повысить конкуренцию между ними в плане финансовой политики (Дарданелли, 2007, стр. 23-24). Из-за почти революционного характера предложений, содержащихся в этом докладе, у него не было никаких шансов быть воплощенным в жизнь, но благодаря ему стало возможным начать национальную дискуссию о будущем и форме федерализма в Швейцарии.

Кантоны сами взяли на себя инициативу. В 2004 году восемь кантонов внесли предложения о внесении поправок в финансовую систему. Дискуссия о необходимости изменений в финансовой системе проходила в Швейцарии с 1960-х годов, но только среди экспертов. Только в начале 1990-х годов эта тема стала частью публичных дебатов. Тем временем продолжалась работа над новой конституцией, но затем не удалось включить эти вопросы в новый документ (Freiburghaus, 2012, стр. 53-71). 28 ноября того же года предложения были внесены на референдум. Явка в ходе голосования по реформе финансового выравнивания и разделению задач между Конфедерацией и кантонами (Neugestaltung des Finanzausgleichs und der Aufgabenteilung zwischen Bund und Kantonen - NFA) составляла 36,85 процента, из которых 64,4 процента граждан и 23 кантона высказались за предложенные поправки.⁶ Новые правила вступили в силу с 1 января 2008 года.⁷ Основная цель реформы заключалась в сокращении разрыва в развитии между кантонами с одновременным повышением эффективности. Чтобы добиться этого, необходимо было реформировать не только финансовые трансферты внутри федерации, но и рационализацию задач. В первом диапазоне была сохранена старая система вертикального и горизонтального финансового выравнивания, но также была создана новая система, которая должна была привести к увеличению конкуренции между регионами, поэтому им было разрешено создавать свои собственные, более гибкие налоговые системы, Кантоны были разделены на две группы: бедные и богатые. Кроме того, был введен новый инструмент вертикального финансового выравнивания - от федерации до горных регионов и со сложной социальной демографией (с большим количеством иммигрантов или отрицательными коэффициентами рождаемости). Кроме того, было установлено четкое разделение задач между федерацией и кантонами. В тех областях, где требуется сотрудничество федерального и кантонального уровней, существует правило, согласно которому стратегическое управление лежит в компетенции федерального

правительства, а кантоны отвечают за оперативную деятельность и их осуществление. И если они выполняют задачи, запрошенные федерацией, они должны получить соответствующие средства (Freiburghaus, 2012, стр. 75-78). Реформа также обеспечила возможность налаживания более тесного сотрудничества между кантонами и выполнения общих задач, которые могли бы финансироваться за счет средств, но также и с участием федерации. Это должно было привести к реальному увеличению конкуренции между кантонами, что привело к более рациональному распоряжению деньгами. В ходе реформы были изложены некоторые переходные периоды для адаптации к новым требованиям, последний из которых завершился в 2036 году. Это показывает, что это преднамеренный долгосрочный план. Создание Совета государств в качестве камеры, представляющей интересы кантонов и оснащающей ее полномочиями, равными нижней палате, подразумевает серьезное отношение кантонального фактора к процессу принятия решений. Другая проблема заключается в том, как это учреждение выполняет свои задачи. Естественно, что центральное правительство пытается реализовать часть компетенции кантонов. Этот процесс не вызывает удивления. Более того, вопрос о принятии федерацией компетенций еще не является проблемой в Швейцарии, что вызывает беспокойство, даже когда NFA (Neugestaltung des Finanzausgleichs und der Aufgabenteilung zwischen Bund und Kantonen) показывает, что можно увеличить долю кантонов участие в отдельных областях. Финансовая реформа в Швейцарии названа в честь термина, взятого из теории игр, в качестве примера беспроблемного решения, а именно ситуации, в которой все партнеры как федерации, так и кантонов достигают преимуществ (Wittstein, 2012, стр. 90).

Rawe Sarnecki пишет о Швейцарии, что это “очень типичное федеральное государство”, а также отмечает, что любая попытка классифицировать форму правления в этой стране “заканчивается заявлением о том, что эти решения не могут быть отнесены ни к одной из теоретических моделей” (Сарнеки, 2003, стр. 330).

Швейцарский федерализм - своего рода дуалистический федерализм, смешанный с исполнительным федерализмом. Кантоны имеют право принимать законы и выполнять законы в незначительном числе областей, и одновременно осуществляют федеральные законы (Musia³-Karg, 2012, стр. 107). Однако представляется, что зависимость кантонов от финансовой политики федерации и, следовательно, анализ объема вопросов, охватываемых законодательными полномочиями федераций, позволяет сделать вывод о том, что современный швейцарский федерализм ближе к модели исполнительного федерализма, хотя следует отметить, что это связано с сильным положением кантонов. Как и во всех современных демократиях, в Швейцарии также важную роль в формировании государственной политики играют политические партии. Однако решение Швейцарии о сборке личного и политического состава центрального правительства - Федерального совета означает, что одна из важнейших функций сегодняшних политических партий - функция конкурентоспособности - теряет свое значение. Согласованная модель управления, существующая в Швейцарии, значительно снижает партийную конкуренцию и, за некоторыми исключениями, их радикализм. Это также означает, что стороны - это не просто партнеры по необходимости друг для друга, но естественным образом - это друг для друга механизм контроля и ограничения. Кроме того, оригинальные решения для разрешения юрисдикционных споров обеспечивают соблюдение принципа федерализма, поддержание гибкости системы и распределение и осуществление полномочий, необходимых в эпоху глобализации и быстрых экономических и технологических изменений. Суды решают только «споры о вертикальной компетенции», и суждения могут определять, кто должен проявлять определенную компетенцию или когда он уже реализован на основе конкретного акта, может привести к его обжалованию. Однако следует отметить, что суды не могут отменить федеральный закон, даже если он нарушает разделение полномочий между федерацией и кантонами. Суды

также рассматривают споры между федерацией и кантонами и между самими кантонами, которые в основном являются спорами, вытекающими из административного права и публичных контрактов (Sarnecki, 2003, стр. 338).

ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ШВЕЙЦАРСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ (ПО КОНСТИТУЦИИ 1999 Г.)

3.1. Институциональные основы швейцарского федерализма

Швейцарская федеральная система часто рассматривается как история успеха с точки зрения управления этнолингвистическим разнообразием. Следовательно, он часто представлен в качестве модели, которая может быть экспортирована в другие многонациональные страны¹. Эта небольшая федерация, где четыре языка и две религии сосуществуют с глубокими региональными экономическими диспропорциями, похоже, нашла ключ к сосуществованию и стабильности; но какая часть швейцарской системы должна быть экспортирована? Это федеральная конституция, которая отвечает на вопросы швейцарской федеративной системы, или ответы лежат где-то в другом месте?

Эта статья призвана показать, что более полное понимание федеральной динамики в Швейцарии может быть достигнуто путем изучения социальной структуры, а не формальных институтов. Утверждается, что институциональная / конституционная структура не является надежным эталоном, чтобы понять, как действуют федеральные модели, поскольку ответы на работу швейцарского федерализма, как правило, лежат в этнолингвистической структуре. Основное внимание уделяется расхождению между официальными институтами и функционированием швейцарского федерализма. То есть цель исследования - показать, как де-юре-конституция и фактическая практика расходятся друг от друга. Доказательства показывают, что швейцарский федерализм пришел к отражению основополагающего этнолингвистического разрыва между швейцарскими и немецкими швейцарцами, несмотря на официальную федеральную систему, основанную на двадцать шесть кантонов. Таким образом, подход, основанный на теории сопоставления между этнолингвистической социальной структурой и политическими институтами, может быть более плодотворным способом понять и объяснить швейцарский

федерализм. Анализ швейцарской федеральной системы в этом направлении будет сопровождаться кратким обзором теоретических основ этого подхода. Статья направлена на укрепление теоретических связей между исследованиями национализма и сравнительным федерализмом путем проведения основанного на обществе подхода к изучению швейцарского федерализма. При этом особое внимание уделяется политическим областям образования и средств массовой информации, в которых политика идентичности предполагается играть важную роль.[40, с.14].

До конца Второй мировой войны федерализм рассматривался как “второй лучший путь” к политическому существованию. В конце девятнадцатого века британский конституционный теоретик А.В. Dicey писал о федерализации Британской империи как более низкую альтернативу единству Вестминстерской модели. После Великой депрессии 1933 года слабость американского правительства перед лицом макроэкономических проблем объяснялась разделенным политическим порядком федерализма. В своем провокационно озаглавленном “Устаревание федерализма” британский лейбористский политик и политический историк Гарольд Ласки утверждал, что федерализм породил слабое правительство, которое, в свою очередь, неспособно справиться с большими вопросами индустриализации и массовой демократии двадцатого века. Согласно Рональду Ваттов, до 1945 года к федерализму относились с мягким презрением как к неполному национальному правительству или к переходной модели политической организации. Но со времен Второй мировой войны федерализм стал приемлемым как способ управления различными обществами, и соответственно, появилась литература сравнительного федерализма, посвященная теоретическим и эмпирическим вопросам федерализма.

Теории федерализма разделяют описательный наименьший общий знаменатель политической структуры, где власть разделена между двумя или более уровнями власти, но общие теоретические предпосылки не простираются далеко за пределы этого. До 1950-х годов исследование

федерализма было изучением федеральных конституций. Фактически, сами истоки сравнительного федерализма лежат в области сравнительных конституционных исследований, где используется формальный правовой анализ. Конституционное разделение компетенций между федеральным государством и субгосударственными органами (провинциями, штатами, кантонами, землями) оставалось основным центром сравнительного федерализма в течение длительного времени. Самой влиятельной работой в этой традиции было то, что у Н. С. Wheare. Количественный анализ федеративной системы часто цитировался легалистическим анализом Уайра, который определял федерализм как форму управления, где приказы правительства координируются и независимы. Но существует параллельный подход, основанный на общественной перспективе. Ведущим показателем этой идеи был французский мыслитель, более широко известный своими анархистскими идеями, Пьер Джозеф Прудон.

Принцип Ду Принсипи Пьер Джозеф Прудон - один из самых ранних примеров социологического федерализма. Прудон видел социальное и экономическое разнообразие как причину принятия федеральных политических институтов, вместо того, чтобы рассматривать эти институты как причину разнообразия. Некоторые из интеллектуальных потомков идеи Прудона о федерализме можно найти в рамках подхода политической экономики к федерализму. Согласно этой перспективе, социально-экономические различия между регионами влияют на работу федеральной системы. Но ведущим сторонником социологического подхода к федерализму является Уильям Ливингстон. Согласно Ливингстону, фокус исследований в области федерализма должен был быть основан скорее на социальных факторах, чем на формальных институтах. Эта идея была отражена в понятии “федеративное общество”, т. Е. В социальной структуре с территориальным многообразием. Ливингстон считал, что такое федеральное общество является смыслом для федерализма. Этот подход был диаметрально противоположным доминирующей институциональной /

конституционной перспективе в изучении федерализма. Ливингстон утверждал, что: «Институциональные устройства, как по форме, так и по функциям, являются лишь поверхностными проявлениями более глубокого федерального качества общества, находящегося под поверхностью. Суть федерализма заключается не в институциональной или конституционной структуре, а в самом обществе».[40, с.21].

Понятие “федеративное общество” обратилось к нескольким студентам федерализма, которые расширили понимание Ливингстона. Например, Майкл Штейн подробно остановился на определении федерального общества: “В тех случаях, когда общество состоит из территориально основанных общин, которые четко различаются по языку и этнической принадлежности, тогда можно найти федеральное общество”. Штайн полагал, что такие факторы, как религия, география и экономика усилили территориально-ориентированные этнолингвистические различия, но именно этнолингвистические модели были фундаментальными. Аргумент федерального общества был также рассмотрен Чарльзом Д. Тарлтоном, чтобы построить дихотомию между симметричным и асимметричным федерализмом: “Следуя Ливингстону, асимметричное федеральное правительство - это такое, в котором политические институты соответствуют реальному социальному” федерализму “под ними”,

Однако такие основанные на обществе взгляды на федерализм оставались меньшинством в области, где доминируют институционалистические подходы. Канадские ученые предоставили большую часть вклада в литературу, в которой подчеркивается роль институтов в федеральных системах. Эти подходы часто принимают федеральную структуру как независимую переменную и пытаются объяснить ее роль в формировании общества и политики. Ричард Симеон описывает эту перспективу в следующих терминах:

Учреждения - это не просто результат или продукты окружающей среды, а не только зависимые переменные в политической системе. Их

можно рассматривать как самостоятельные силы, которые имеют свои собственные последствия: когда они созданы, они сами формируются и влияют на окружающую среду.

Институционализм в сравнительном федерализме был частью более широкого продвижения к новым институционалистическим перспективам в сравнительной политике. В центре внимания нового институционализма преобладает сравнительный подход, и институты рассматриваются как промежуточный уровень, сдерживающий и влияющий на политику. В этом отношении новый институционализм отличается от предыдущих исследований, которые, как правило, сосредоточены на формальных структурах и конституциях. Особое внимание уделяется институциональным механизмам, которые формируют политические стратегии и распределяют политическую власть. Новая институциональная логика предполагает, что политические субъекты пытаются использовать имеющиеся каналы для политической деятельности. В результате актеры постепенно социализируются в институты, поскольку они формируют свои предпочтения в рамках этих правил. Поэтому интересы становятся вложенными в существующие институциональные механизмы. Однако из-за его акцента на преемственность новый институционализм имеет проблемы с объяснением изменений. Ограничения на институциональную перспективу признают некоторые из протипуток нового институционализма в науке федерализма. По словам Ричарда Симеона:

Мы не очень хорошо работали над теорией изменений в федеральной системе ... Очевидно, что институциональные модели сами по себе недостаточны, поскольку эти изменения произошли ... в рамках практически неизменной институциональной структуры ... Но для полного объяснения изменений мы вынуждены возродить наш интерес к общественным силам и политической экономике. [40, с.36].

Эта статья о федерализме стремится дать голос этим общественным силам. Здесь основное внимание уделяется не тому, как учреждения

воспроизводят себя с течением времени, но и о том, как социальные факторы обходят или фактически меняют институты. Цель состоит в том, чтобы объяснить работу швейцарской федеративной системы через ее этнолингвистическую социальную структуру, а не через ее политические институты. Этнолингвистическая социальная структура в этом контексте рассматривается как объединяющая сила и расщепление. Язык разделяет франкоязычных и немецкоязычных друг от друга, а также укрепляет сплоченность внутригрупповых групп в лингвистических сообществах, разделенных по религии, классу и региону. Другими словами, этнолингвистическая раскол становится социальной базой для демаркации границ коллективной идентичности. По словам французского социолога Доминика Шнаппера, язык является этническим маркером, но он также является важным инструментом, посредством которого демократическая жизнь учреждается и поддерживается. Следовательно, лингвистически демаркационные общественные пространства становятся важными, как Конкретная институциональная структура федеральной системы не может быть проанализирована без учета общественных пространств в обществе. В этом контексте исследование направлено на то, чтобы представить идею “конгруэнтности” для изучения швейцарского федерализма. Понятие конгруэнтности здесь используется между этнолингвистической социальной структурой и политическими институтами, но идея имеет более широкое интеллектуальное наследие. Термин “конгруэнтность” тесно связан с Гарри Экштейном. Экштейн считал, что существует тесная взаимосвязь между авторитетными структурами общества (т. Е. В семьях, школах и экономических организациях) и структурами власти в правительстве. По мнению Экштейна, сопоставление этих авторитетных образцов обеспечило стабильность: “Демократия (и, возможно, и другие виды правления), как правило, стабильна, если структуры государственного управления и социальной власти являются очень конгруэнтными - если они связаны с большим сходством и, следовательно, имеют определенную форму. «форумы

демократического обсуждения.

Для Экштейна характер социальной структуры был отражен в том, что он назвал культурой власти, что, в свою очередь, сделало определенные политические системы более подходящими для определенных социальных структур. У Эрнеста Геллнера были сходные взгляды на национализм и политические перемены, когда он заявил, что “национализм - это прежде всего политический принцип, который утверждает, что политическая и национальная единица должна быть конгруэнтной”.

Эта статья направлена на продолжение этой макросоциальной традиции, которая считает, что незакодированные социальные структуры остаются незаменимыми для анализа того, как функционируют политические системы. Цель будет заключаться в том, чтобы показать, что ориентированный на общество подход к федерализму может лучше понять функционирование швейцарской федеральной системы, чем институциональный / конституционный подход, и со временем достичь более полного понимания политических моделей в игре. В частности, эссе расширяется по поводу понятия Экштейна о конгруэнтности и концепции Ливингстона о федеральном обществе, выделяя роль социальной структуры. В этой статье предлагается вклад в этнолингвистические факторы и понятие общественного пространства. Одним из ключевых факторов, делающих язык решающим для анализа федерализма и демократии, является его вышеупомянутая роль в создании отдельного общественного пространства, в котором происходят политические обсуждения. Это не означает, что политические выборы заданы языковым сообществам, поскольку многие политические вопросы создают глубокие разногласия в языковых сообществах, но вопросы обсуждаются в этих лингвистически разграниченных общественных местах. Как следствие, в случае несоответствия между обществом и институтами политика будет обходить федеральные институты и функционировать асимметрично на основе составных этнолингвистических сообществ. Важность этнолингвистических

факторов, конечно же, зависит от упадка других значительных социальных расщеплений с точки зрения их политической значимости. Одной из таких разработок является снижение в классе голосования; другой - растущая секуляризация европейских обществ и последующее снижение религии как политически значимого социального расщепления. [40, с.112].

В статье будет показано, что такая ориентированная на общество перспектива является более надежным способом определения политических моделей, распространенных в швейцарской федеральной системе. Некоторые ученые проводят различие между “территориальными” и “многонациональными” федеральными системами. Это различие проходит параллельно с тем, что сделал Аарон Вильдавский между “структурным” и “социальным” федерализмом. По словам Вильдавского, социальный федерализм - это то, где экономические, этнические и религиозные различия соответствуют политическим границам. С другой стороны, структурный федерализм относится к федеральной институциональной структуре, предназначенной для децентрализации политической власти независимо от общественного облика. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что существует разрыв между швейцарской конституцией, основанной на “территориальном” или “структурном” принципе федерализма и повседневной практике федерализма, основанной на “многонациональном” или “социальном” принципе.

3.2. Система органов государственной власти федерации

Государственная структура Швейцарии имеет три уровня: конфедерация, кантоны и муниципалитеты. С исторической точки зрения муниципалитеты существовали до строительства конфедерации, с глубокими корнями в политической традиции страны. Более того, на уровне культурной самобытности гражданин Швейцарии пользуется тремя гражданствами: муниципальными, кантональными и национальными. Это объясняет сильные чувства, связывающие швейцарца с его муниципалитетом и проблемы, с

которыми сталкивается местное правительство в будущем.

Швейцария - небольшая федеральная страна, охватывающая около 41 000 км² и разделенная на 26 кантонов и (в 2004 году) 2815 муниципалитетов. Размер кантонов колеблется от примерно 37 км² до 7106 км², с численностью населения от 13 500 до 1,5 млн. Человек. На местном уровне наибольший муниципалитет имеет более 400 000 жителей. Хотя в среднем 2100 жителей, 45% швейцарских муниципалитетов имеют менее 500 жителей и 240 муниципалитетов менее 100 человек.[41, с.23].

Швейцарские муниципалитеты являются особенностью децентрализованной администрации и в то же время инструментом политической децентрализации. Несмотря на эту важную роль, согласно федеральным принципам, закрепленным в Конституции Швейцарии, муниципалитеты имеют общую остаточную компетенцию. Это означает, что они могут взять на себя ответственность только за те задачи, которые не зарезервированы для конфедерации и кантонов (см. Ниже «Функции и полномочия»).

В отличие от Федеральной конституции 1874 года, Федеральная конституция 1999 года содержит конкретную статью, касающуюся муниципалитетов. Статья 50 гласит:

1. Автономия муниципалитетов гарантируется в пределах, установленных кантональным законодательством.
2. В своей деятельности Конфедерация принимает во внимание возможные последствия для муниципалитетов.
3. В частности, он должен учитывать особое положение городов, агломерации и горных районов.

Однако муниципалитеты не являются институтом федерального законодательства. Соответствующее законодательство каждого из 26 кантонов устанавливает муниципалитеты и определяет их организацию, компетенции и ресурсы, а также власть контроля и вмешательства кантональных властей в муниципальных делах. Например, новая

Конституция кантона Фрибург, принятая в мае 2004 года, определяет роли, статус, задачи, учреждения и финансы его муниципалитетов, а также территориальную структуру кантона.

В Швейцарии существуют разные типы муниципалитетов. Обычный тип - это политический муниципалитет, состоящий из всех граждан, проживающих на территории конкретного муниципалитета. Некоторые кантоны также имеют так называемый “буржуазный” муниципалитет, где главный критерий не является территориальным, а личным. В Женеве политические муниципалитеты Во и Невшатель являются единственным типом местного самоуправления. Эти три типа кантонов имеют унитарную систему. В других кантонах “буржуазные” муниципалитеты существуют наряду с политическими в двойной системе. Четыре кантона (Фрибург, Гларус, Шаффаузен и Цюрих) выбрали смешанную систему, в соответствии с которой политический муниципалитет управляет “буржуазным” муниципалитетом. Существуют и другие типы муниципалитетов, в том числе церковные муниципалитеты (общинные еkkлезиасты, Кирхгемейнден), школьные муниципалитеты (коммуны коммун, Шульгемейнден) и только в канцеляриях, говорящих на немецком языке, оказывают помощь муниципалитетам (коммуны при содействии, Арменгемейнден).

Что касается институциональных механизмов, то швейцарские муниципалитеты могут быть разделены на две основные категории.

Организация с двумя органами (организация двухпартийная, *ordentliche Gemeindeorganization*) не имеет парламента, только исполнительной власти и избирательного органа. Этот тип организации существует во всех кантонах, за исключением кантонов Женевы и Невшателя. В Ури, Швиз, Обвальден, Нидвальден, Гларус и Аппенцелль-Иннер Родос это единственная форма организации. Этим типом пользуются почти 2500 муниципалитетов. [41, с.34].

Организация с тремя органами (организация трехсторонняя, *ausserordentliche Gemeindeorganization*) имеет избирательный орган,

исполнительную власть и парламент. Этот тип организации является обязательным в кантонах Женевы и Невшателя и существует во всех крупных муниципалитетах Швейцарии, за исключением шести вышеупомянутых кантонов. Менее 400 муниципалитетов имеют такой тип организации, но большинство населения Швейцарии живет в муниципалитете с парламентом.

Например, в мае 2004 года в кантоне Фрибурга говорится:

Статья 131 (с) Учреждение

В каждом муниципалитете есть собрание всех граждан (*une assemblée communale*) или общинный парламент (*un conseil général*) и муниципальный совет (*conseil communal*).

Конституция 1847 года Женевского кантона имеет следующие разделы:

Статья 146 Администрация

1. В муниципалитетах более 3000 жителей, кроме города Женевы, муниципальная администрация возлагается на административный совет трех членов, избираемых всеми избирателями муниципалитета.

2. В других муниципалитетах муниципальная администрация возлагается на мэра и двух депутатов.

Статья 149 Состав

Закон определяет количество членов муниципальных советов.

Статья 154 Муниципальный совет

Город Женева имеет муниципальный совет из 80 членов.

Статья 155 Административный совет

Администрация города Женевы возлагается на административный совет из пяти членов, выдвинутый избирательным органом города Женевы, который называется вместе в одном колледже. Административный совет разделяет свои функции между его членами.

Независимо от типа организации, принцип разделения властей существует в муниципальном праве.

Еще одна характеристика муниципальной организации - отсутствие судебной власти. В Швейцарии суды по сути являются кантональным вопросом, а на последнем уровне - федеральным.

Исполнительная власть называется муниципальным советом (общинный коммунальный, gemeinderat) и в большинстве случаев является коллегиальным органом, избираемым гражданами. Как правило, он состоит из пяти-десяти членов. Высшим органом муниципалитета является либо собрание всех граждан (сборная общинная, гемедеверовская), либо, как представлено выше, - общинный парламент.

Муниципальный избирательный орган отличается от кантона кантоном, но кантоны не могут полностью определить состав муниципального электората. В двух положениях Федеральной конституции были приняты следующие принципы: [41, с.92].

Статья 39. Осуществление политических прав

Политические права осуществляются в резиденции. Конфедерация и кантоны могут предвидеть исключения.

Кантоны могут предусматривать, что новые жители могут осуществлять политические права в кантональных и муниципальных делах только один раз, когда наблюдался период ожидания не более трех месяцев.

В трех кантонах - Невшатель, Юра и Во - кантональное право прямо дает иностранцам право голоса в муниципальных делах. В кантоне Аппенцель-Наружный Родос кантональное право разрешает муниципалитетам давать это право иностранцам, тогда как в кантоне Тургау иностранцы имеют консультативную власть в муниципальных делах. Новая Конституция Фрибурга устанавливает право иностранцев голосовать в муниципальных делах:

Статья 48 Активное гражданство

1. Имеют право голосовать и избирать в муниципальных делах, если они имеют возраст:

а) швейцарские женщины и мужчины, которые проживают в

муниципалитете;

б) иностранные женщины и мужчины, которые проживают в муниципалитете и [прожили] не менее пяти лет в кантоне и имеют юридическое разрешение на проживание там.

Закон по этому вопросу еще должен быть написан и принят кантональным парламентом и избирательным органом.

В марте 2003 года в Женеве были начаты две инициативы для иностранцев: одна - за право голоса, а другая - за право избираться на муниципальном уровне.

Обсуждение швейцарской федеральной системы было бы неполным без нескольких слов о прямой демократии. По этому поводу Даффлон и Перритаз писали:

Прямое участие демократии обеспечивается в большинстве кантональных конституций для коммун, чтобы сами граждане могли принимать активное участие в процессе принятия решений по всем важным политическим и экономическим вопросам. В местных государственных финансах эта компетенция касается: текущего бюджета, отдельных статей инвестиций в бюджет капитала, годовых налоговых коэффициентов, правил взимания сборов с пользователей (налогообложение в соответствии с принципом выгоды в целом), продажи или покупки местной публичной собственности, горизонтального сотрудничества в формы межобщинного объединения или особого района для совместного производства общественных объектов и объединения коммун. Помимо участия, во всех прямых демократиях существуют определенные компетенции контроля и аудита. Общественная ассамблея граждан или общинный “парламент”, где она существует, избирает финансовый комитет на срок политического срока. Этот комитет имеет не только традиционную аудиторскую компетенцию, но и обязанность сообщать собранию о финансовых аспектах капитальных затрат и изменениях в налогообложении. Кроме того, он имеет право расследовать финансовые вопросы без предупреждения, если это

необходимо. В некоторых кантонах он может подать жалобу на отдельных членов местных органов власти за неправильное использование государственных средств. [41, с.87].

Очевидно, что эти учреждения федеральной системы [такие, как референдумы] не имеют уникальной цели (экономической) эффективности в исполнении расходов и налогообложения. Чем более прямые и демократические институты, тем лучше их общая способность укреплять систему сдержек и противовесов, разделяя и разделяя политические решения. Они дают гражданам / избирателям / налогоплательщикам множественный доступ к правительству, увеличивают их возможности контролировать бюджет и уменьшают политическую и бюрократическую свободу действий в поисках ренты. По терминологии Хиршмана они не только имеют «выход» (мобильность в стиле Тибо), но и «голосовой» вариант.

Еще одно важное замечание - трудности, с которыми сталкиваются некоторые муниципалитеты, когда дело доходит до поиска кандидатов на выборах. По словам Даффлона, в кантонах Фрибурга 70% муниципалитетов с населением менее 20 000 человек имели молчаливые выборы, поскольку число кандидатов было таким же, как и количество мест. Эта проблема менее остро стоит в муниципалитетах с населением более 20 000 человек.

Кроме того, межмуниципальное сотрудничество ставит вопрос об ответственности муниципальных властей. В кантоне Фрибург муниципалитеты имели 63 задачи публичного права. В период с 1960 по 2001 год 30 были централизованы на уровне кантона. Среди остальных муниципалитетов 30 являются субъектами межмуниципального сотрудничества. Власти, не имеющие явных последствий для общественности, часто решают процесс разработки тех, кто будет руководить, управлять, контролировать и оплачивать. Кто, например, жалуется гражданин в случае злоупотребления государственными средствами? Именно по этой причине слияние муниципалитетов представляется более демократическим решением, предлагающим большие

гарантии в отношении подотчетности и уважения принципов благого управления.

Швейцарские муниципалитеты подлежат кантональному надзору. Этот контроль больше, чем конфедерация в кантонах, но он должен уважать муниципальную власть самоорганизации и муниципальную автономию.

Как отмечалось выше, муниципальная автономия в настоящее время гарантируется статьей 50 Конституции. До этого гарантия была принципом конституционного права кантонов и часто признавалась Федеральным судом в его юриспруденции. Однако, если муниципалитеты являются автономными, существует большая разница между положением кантонов по отношению к конфедерации и муниципалитетами в отношении кантонов.

Во-первых, отношения между конфедерацией и кантонами более свободны, чем отношения между кантонами и муниципалитетами. Во-вторых, кантональные компетенции гарантируются Федеральной конституцией в статье 3, а муниципальные компетенции не гарантируются конституциями кантонов. Муниципальная автономия встречается в общих чертах в конституциях кантона. Например, Конституция кантона Фрибург 2004 года заявляет в статье 129 (а) (2), что «муниципальная автономия гарантируется в рамках кантонального закона». Более того, муниципальные компетенции часто написаны в кантональных законах.

Поэтому кантоны могут принять решение об изменении соответствующего закона и тем самым изменить муниципальные компетенции и автономию. [41, с.116].

Надзор за муниципалитетами отличается также от видов контролируемой деятельности: надзор будет довольно строгим в тех областях, где муниципалитеты выполняют кантональный или федеральный закон, а менее того, когда муниципалитеты действуют в своих областях компетенции.

Надзор за муниципалитетами осуществляется под руководством Государственного совета (кантонального исполнительного органа), который может делегировать эту задачу отделу. Это наблюдение ограничивается юридическим аспектом муниципальной компетенции.

Средства контроля различны и могут быть двух видов: превентивные или репрессивные. Однако политика надзора меняется, особенно в отношении финансовых вопросов. Например, из-за высокой ставки долга в муниципалитете Локе-ле-Бен в кантоне Вале, Государственный совет назначил опекуна для управления этим населенным пунктом (см. Ниже). Мэр муниципалитета также был привлечен к суду и приговорен к тюремному заключению.

3.3. Органы государственной власти в кантонах

Кантоны должны рассматриваться как государства в их отношениях с Конфедерацией, с иностранными государствами и между собой. Хотя во всех федеративных государствах федеральное правительство должно быть

Современный межконфликтный закон был полностью и очень умело рассмотрен Арнольдом Болле. Эта работа является единственным всеобъемлющим и систематическим описанием предмета. Особые государства-члены могут быть лишены своей государственности по многочисленным и важным вопросам государственного управления, основные отношения между Конфедерацией и кантонами носят контрактный характер, т.е. они не могут быть изменены, а взаимопониманием. Таким образом, статья 5 Федеральной конституции, которая гарантирует кантонам их территорию и суверенитет, не является, как и другие части Конституции, подлежащей конституционному пересмотру, если только кантоны не согласятся. То же самое касается принципа равенства кантонов. Если бы федеральное правительство было наделено неограниченными полномочиями конституционного пересмотра (“Компетенц-Компетенц”), логических различий между федеральным и унитарным государством не было. Однако

следует сказать, что права государств-членов в рамках Федеральной конституции, помимо фундаментальных прав на государственность и равенство, как полагают, зависят от федерального конституционного права.

Юридическая личность кантонов в международном праве не была отменена Федеральной конституцией. Кантоны могут приобретать права и обязанности в соответствии с договорами с иностранными государствами по конкретным вопросам, а именно: управление государственной собственностью, пограничные и полицейские связи. Такие договоры должны обсуждаться Федеральным советом, поскольку кантонам не разрешается иметь непосредственный официальный сношения с иностранными правительствами, за исключением чисто административных отношений с низшими должностными лицами других государств.[42, с.8].

Государство кантонов в их взаимоотношениях определяется конституционными ограничениями кантональных полномочий. Поскольку кантональное право не было заменено федеральным законом, кантоны сохранили статус государств как в отношении людей, возвращающихся на их территорию, так и друг к другу. Поэтому кантоны осуществляют предоставленные им полномочия в полной независимости, ограничиваясь только правилами федерального межгосударственного права. Таким образом, кантоны прежде всего уполномочены принимать законы и положения по всем вопросам, входящим в их компетенцию. Вопрос о толковании заключается в том, что в вопросах, регулируемых федеральным законом, последний исключает неявное кантональное законодательство в случаях, прямо не урегулированных федеральным законом.

Кантоны осуществляют свои полномочия автономно не только в отношении их внутренней организации, но и в отношении межгосударственных отношений. В этом отношении, однако, они связаны статьей 60 Федеральной конституции, которая гласит:

Все кантоны обязаны относиться к гражданам других государств-конфедератов, как к своему собственному государству, в законодательстве и

судебных разбирательствах.

Но этот пункт взаимности не исключает другого обращения с лицами, проживающими в одном кантоне, и теми, кто живет в другом.

Помимо автономного регулирования вопросов межконфликтности, кантоны имеют право заключать между собой договоры по таким вопросам. Договорная власть кантонов не идентична их законодательной и административной власти, которая охватывает более широкую сферу деятельности. Статья 7 Федеральной конституции признает право кантонов заключать между собой конвенции по законодательным, административным или судебным подзаголовкам, т.е. е-, по всем субъектам деятельности государства. Однако эта общая ограниченность ограничена ограничением общего характера - все отдельные альянсы и все договоры политического характера запрещены. Хотя кантоны могут проводить собственную политику в качестве отдельных стран содружества, они не могут сочетаться с обычными политическими действиями в рамках договоров.

Хотя правосудие, хотя и ограниченное, признано, Конституция, похоже, исключает межгосударственное правосудие, поскольку дипломатические отношения между кантонами являются излишними для обычных сделок, и политическое сотрудничество кантонов официально запрещено. Вопрос, который еще не определен федеральными властями, не имеет значения, могут ли официальные делегаты кантона пользоваться на территории другого кантона привилегиями экстерриториальности.

Одним из наиболее важных ограничений, установленных государственными полномочиями, является формальное и полное исключение всех средств самопомощи. Хотя военное законодательство находится в пределах исключительной власти Конфедерации, сама Конституция гарантирует кантонам в определенной степени военное самоуправление и право распоряжаться войсками, набираемыми на их территории, но только для поддержания внутреннего порядка никогда насилие над другими кантонами или иностранными государствами.

Запрет самопомощи связан не только с войной, но и со всеми видами самопомощи, как ретортия, дифференцированное лечение, захват и т. Д. Все межкантонные различия должны быть урегулированы дружно, т.е. например, путем переговоров между соответствующими кантонами или арбитражем или Федеральным судом.[42, с.17].

Федеральная конституция гарантирует кантонам их территории, но не содержит других положений, относящихся к этому вопросу. Поэтому территориальные отношения кантонов друг с другом регулируются общим международным правом или межгосударственными договорами. Реки, образующие границу между двумя кантонами, согласно недавнему решению Федерального суда, делятся на среднюю линию, а не талвегом, поскольку рек Швейцарии вообще не судоходны. Навигация, однако, станет важным в Швейцарии, и Федеральное собрание проголосовало в этом году за законопроект о внесении поправки в конституцию, дающий полномочия на Конфедерацию в отношении разработки правил эксплуатации водных ресурсов и судоходства.

Межкантонные границы, поскольку они не являются геометрически фиксированными, могут быть изменены естественными процессами. Если в таких случаях международное законодательство должно толковаться по аналогии с частным правом, следует полагать, что швейцарское частное право, закрепленное в новом Федеральном гражданском кодексе, применимо.

Если уступка территории от одного кантона до другого должна быть осуществлена, такая уступка должна принять форму межконфессионального договора и поэтому должна быть доведена до сведения Федерального совета. Если уступка не имеет характер подчиненных пограничных правил, а относится к значительной территории, такие договоры должны быть классифицированы как политические договоры, которые запрещены. Как бы то ни было, такая уступка может быть в определенных случаях в интересах как соответствующих кантонов, так и самой Конфедерации. В таком случае Федеральное собрание как предполагаемый обладатель всех федеральных

полномочий, безусловно, имеет право сделать такие договоры законными. Но ни в коем случае межконфликтная уступка требует пересмотра Конституции, как предполагают некоторые авторы. Конституция перечисляет кантоны, формирующие Конфедерацию, но только как политические организации, которые остаются теми же, если одна и та же политическая организация существует на той части территории. Только в случае создания новых кантонов путем слияния или демонтажа потребуется конституционная ревизия.[42, с.34].

Территориальные права кантонов в соответствии с Федеральной конституцией могут быть изменены, помимо несущественного случая физических изменений, только по договорам, а не по международному праву по рецепту, т.е. е., неоспоримо владение. Таким образом, Федеральный суд постановил, что кантон Цюрих, который в течение более полувека осуществлял суверенитет над южной половиной Рейна в Шаффхаузене, не мог юридически получить эту территорию реки, поскольку кантон Шаффхаузен никогда не давал согласия через свои конституционные органы отказаться от своих исключительных прав на всю реку. Суд не дал аргументов в пользу своего мнения, которое, однако, оправдано, поскольку Федеральная конституция гарантирует полномочия, возложенные на кантональные конституции в государственных органах.

Конституционная гарантия государственной территории Конфедерации не только защищает кантоны от нападений, но и запрещает Кантону вмешиваться в статус-кво другого кантона. Межгосударственные правила соседства являются такими же, как и нормы международного права, е. если река течет через два кантона, верхний Кантон обязан обеспечить низшую естественную циркуляцию воды, но в соответствии с частным правом разрешается накапливать воду в обычные часы остальной работы. Предстоящая конституционная поправка даст Конфедерации необходимую силу для создания условий для эксплуатации межконтинентальных рек. Поскольку во всех важнейших водных ресурсах Швейцарии заинтересовано

более одного кантона, и этот источник энергии является самым ценным эквивалентом угля, который должен быть полностью импортирован, вопрос о межконтинентальных реках является одним из большого национального интереса и не может быть больше времени для межгосударственных переговоров и ссор.[42, с.55].

Так называемые межгосударственные сервитуты редки, но они существуют и признаны федеральными властями. По договору один кантон может предоставить другому осуществление территориальных прав, е. g), прерогатива уступать право на промысел или включение поселка в школьную или церковную систему другого кантона.

Если происходят межконфессиональные уступки территории, правила вступления в силу применяются так же, как и в международном праве. Права, приобретенные в соответствии с прежним правилом, должны быть признаны новым сувереном, как если бы они были приобретены по его собственному праву.

Заключение

Швейцария является конфедерацией, в которой 26 кантонов сохраняют значительную власть над проведением выборов. Отношения между федеральным правительством и кантонами действуют в соответствии с принципом субсидиарности, при этом федеральное законодательство устанавливает минимальные условия, а подробные процедуры и их осуществление передаются кантонам. Во многих кантонах отдельные коммуны устанавливали основные избирательные процедуры. Результатом является высоко децентрализованная система, характеризующаяся широким диапазоном кантональных вариаций. Это особенно справедливо для выборов в Совет штатов, которые рассматриваются кантональными выборами со стороны швейцарских властей, хотя Совет является частью Федерального собрания.

Хотя федеральное избирательное законодательство обеспечивает общую основу для выборов в соответствии с обязательствами ОБСЕ и другими международными стандартами, оно не затрагивает ключевых аспектов, таких как избирательная администрация, избирательная кампания, финансирование партий и кампаний, роль средств массовой информации или наблюдателей за выборами. Некоторые из этих вопросов регулируются кантонами, усиливая кантональную вариацию. Более того, федеральное законодательство применяется только к выборам Национального совета. Кантональные законы, регулирующие выборы в Совете штатов, приводят к различиям в избирательных правах и возможностях для граждан Швейцарии, проживающих в разных кантонах.

Несмотря на то, что органы управления избирательной кампанией по-разному структурированы во всех кантонах, должностные лица по выборам по всей стране, по-видимому, хорошо осведомлены, эффективны и профессиональны и пользуются полным доверием политических партий, кандидатов, избирателей и других заинтересованных сторон. Как и в случае других электоральных вопросов, децентрализованная система Швейцарии

приводит к существенным изменениям кантона во всех аспектах управления выборами. Возможно, из-за высокого уровня доверия строгий контроль не всегда применяется для защиты секретности и целостности процессов голосования и подсчета голосов. В целом, кантоны разработали широкий спектр хороших предвыборных практик, но они не были согласованы по всей стране, оставляя каждую кантональную систему с ее сильными и слабыми сторонами.

Система регистрации избирателей, основанная на регистрах населения, оказалась очень эффективной, точной и всеобъемлющей. Регистрация кандидатов также была открыта и открыта; ни одному человеку, желающему стать кандидатом, было отказано в регистрации. Из-за различий в кантональных правилах кандидатов регистрировали в соответствии с различными графиками, предоставляя кандидатам в некоторых кантонах больше времени для проведения кампании, чем в других, и давая избирателям в этих кантонах больше времени, чтобы рассмотреть их выбор.

Кандидаты и партии проводили кампанию свободно и активно, при этом их политические права полностью соблюдались. Избирательная кампания касалась различных экономических, социальных и международных проблем.

Не существует федеральных правил, регулирующих финансирование избирательных кампаний, включая требования о раскрытии информации о доходах или расходах. По имеющимся данным, существуют значительные различия в объемах финансирования, предоставляемых различными сторонами, однако официальная информация по этому вопросу не публикуется. До и во время кампании проводились активные публичные дебаты по существу разработки правил финансирования избирательных кампаний.

ЕАМ не проводил всесторонний мониторинг средств массовой информации, но в целом рассматривал медиа-среду. В целом средства массовой информации, как представляется, обеспечивают широкий и разнообразный охват, обеспечивая равный доступ для кандидатов и сторон.

Около 85 процентов избирателей отдали свои голоса почтовым голосованием. Хотя почтовое голосование имеет преимущество в удобстве и широко распространено большинством граждан, могут возникнуть определенные вопросы относительно адекватности положений, обеспечивающих целостность почтовых голосов. Бюллетени и система голосования являются сложными, предоставляя избирателям не только широкий выбор кандидатов и партий, но также возможность изменять имена в списках кандидатов или составлять свои собственные списки, состоящие из кандидатов от нескольких партий.

Две пилотные системы для интернет-голосования были доступны для швейцарских избирателей из стран из четырех кантонов, впервые использовавших такие системы на федеральных выборах. Пилотные системы выполнялись надежно и пользовались широким доверием. Тем не менее, как представляется, в системах существуют некоторые недостатки, включая как юридические, так и технические проблемы. Эти системы выиграют от улучшения сертификации, безопасности, прозрачности и надзора.

Список использованной литературы

1. Arbeitsgruppe "Zusammenarbeit in den Agglomerationen". Zusammenarbeit in den Agglomerationen. Institut fuer Politikwissenschaft. Bern. 1992.
2. Armingeon K. National governments and their capacity to act. A comparative analysis of the impact of globalization on domestic policies of OECD countries. ECPR Joint Sessions. Oslo. 1996.
3. Aubert, Jean-Francois. Petite histoire constitutionnelle de la Suisse. Bern. Francke. 1974.
4. Aubert, Jean-Francois. So funktioniert die Schweiz: dargestellt anhand einiger konkreter Beispiele. Cosmos. Basel. 1980.
5. Baechler G. Beitreten oder Trittbrettfahren? Neutralitaet in Europa. Chur/Zuerich. Ruegger. 1994.
6. Baechler G. (Hrsg). Federalism against Ethnicity? Institutional Legal and Democratic Instrument to Prevent Violent Minority Conflicts. Chur/. Ruegger. 1997.
7. Basta L., Fleiner T. Federalism and Multiethnic States. Institut du Federalisme Fribourg. 1996.
8. Bausteine der Schweiz. Portrats der 26 Kantone. Zuerich. Neue Zuercher Zeitung. 1987.
9. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. New York. Basic Books. 1973.
10. Brevier fuer Demokratie. Funktionsweise eines demokratischen Staates am Beispiel der Schweiz. Bern. Schweizerisches Ost-Institut. 1993.
11. Borner S. und Rentsch H. (Hrsg). Wieviel direkte Demokratie vertraegt die Schweiz? Chur/Zuerich. Ruegger. 1997.
12. Brunner M. und Lea S. Crise de confiance dans les institutions politique suisses? Quelques resultats d'une enquete d'opinion. Schweizerische Zeitschrift fuer Politische Wissenschaft 3(1).1999. P.105-113.

13. Bundesgesetz der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 24. März 1995 über die Gleichstellung von Mann und Frau.
14. Bundesgesetz der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 22. Dezember 1999 über die Mitwirkung der Kantone an der Aussenpolitik des Bundes.
15. Bundesgesetz der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 16. Dezember 1943 über die Organisation der Bundesrechtspflege.
16. Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft. Bern. Bundeskanzlei. 1996. S.l.
17. Buetler H. Direkte Demokratie und Globalisierung: Erfahrungen aus der schweizerischen Sicht. "Europäische Rundschau". 2000. № 1.
18. Buttler D. und Austin R. (Hrsg). Referendums around the World: The growing Use of Direct Democracy. London. Macmillan Press. 1994.
19. Dafflon B. Organisation et fonction des collectivités locales: le cas Suisse. Fribourg. 1990.
20. Die Schweiz fuer Europa? Ueber Kultur und Politik. Muenchen - Wien. Henser. 1998.
21. Eichenberger K. Der Staat der Gegenwart. Basel. Helbing und Lichtenhahn. 1980. S. 195.
22. Eine kleine Geschichte der Schweiz. Frankfurt am Main. Suhrkamp. 1998.
23. Elazar D. The American Partnership: Intergovernmental Cooperation in the Nineteenth Century United States. Chicago. 1962. P.338.
24. Erheuser, Fromut, Vatter, Sager. Die Beruecksichtigung der Kantone beim Vernehmlassungsverfahren des Bundes. Studie im Auftrag der parlamentarischen Verwaltungskontrollstelle. Bern. 1997.
25. Fahrni D. Schweizer Geschichte. Ein historischer Abriss von den Anfängen bis zur Gegenwart. Hurzeler AG. Zuerich. Regensdorf. 1982.
26. Fleiner T., Tribe L. American Constitutional Law. New. Mineola. 1988.
27. Freiburghaus D. Die Gemeinschaft als eigenständiges politisches System. Lausanne. IDHEAP. 1997.

28. Gabriel A., Juerg M. Das politische System der Schweiz. Eine Staatsbuergerkunde. Bern. Haupt. 1990.
29. Gabriel A., Juerg M. How Switzerland is governed. Schweizer Spiegel Verlag. Zuerich. 1983. 68s.
30. Geschäftsreglement des Nationalrates der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 22. Juni 1990.
31. Geschäftsreglement des Ständerates der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 24. September 1986.
32. Germann R., Raimund E. Politische Innovation und Verfassungsreform: Ein Beitrag zur schweizerischen Diskussion ueber die Totalrevision der Bundesverfassung. Haupt. Bern. 1975.
33. Germann R. Ausserparlamentarische Kommissionen. Die Milizverwaltung des Bundes. Bern. Haupt. 1981. S.45.
34. Germann R. Regierung und Verwaltung. Bern. Haupt. 1984. S. 45-76.
35. Gysling E. Stunde der Wahrheit fuer die Schweiz. Universitaetsverlag Freiburg. Schweiz. 1992.
36. Held D. Political Theory Today. Cambridge. Polity Press. 1991.
37. Huber H. Rechtstheorie, Verfassungsrecht, Voelkerrecht: Ausgewaehlte Aufsaezte. Bern. Staempfli. 1971.
38. Huber-Hotz A. Das Zweikammersystem Anspruch und Wirklichkeit. Bern. Parlamentsdienste. 1991. S. 175.
39. Jegher A., binder W. Der Einfluss von National- und Staenderat auf den Gesetzgebungsprozess. Bern. Institut fuer Politikwissenschaft. 1996.
40. Jegher A. Der Einfluss von institutionellen, entscheidungspolitischen und inhaltlichen Faktoren auf die Gesetzgebungstaetigkeit der Schweizerischen Bundesversammlung. Bern. I.E. 1998.
41. Im Hof U. Die Geschichte der Schweiz. Stuttgart. Kohlhammer. 1988.S.59.
42. Kincaid J. Federalism and State and Local Government. In: The United States. N.Y. Ed. By G. Hodgson. Vol.2. 1992.